

Хедин, враг мой. Том 2. «...Тот против нас!»

Автор:

[Ник Перумов](#)

Хедин, враг мой. Том 2. «...Тот против нас!»

Ник Перумов

Миры Упорядоченного Гибель богов – 2 #5

Битва за Упорядоченное в самом разгаре. Неисчислимы орды идут на штурм самого Обетованного, сердца владений Новых Богов, Хедина и Ракота. Вернейшие из верных охвачены мучительными сомнениями и колебаниями, как, например, гарпия Гелерра; волшебница Сигрилин избрала свой собственный путь. Старые методы – «живи и дай жить другим» – уже не работают, выбор приходится делать не только смертным, но и самим богам, как и другим великим силам. Цена этого выбора – даже не власть над Упорядоченным, а само его бытие.

Ник Перумов

Хедин, враг мой. Том 2. «...Тот против нас!»

© Перумов Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Синописис, или Что было раньше?

После окончания событий, описанных в романе «Война мага», Новым Богом Упорядоченного, Хедину и Ракоту, казалось, что настала мирная передышка. Два мира – Мельин и Эвиал – были спасены, слившись, так, что на их месте возник новый. Спаситель, явившийся в Эвиал, был отброшен, хоть и не побеждён. Пленённая в Западной Тьме волшебница Сигрлинн, возлюбленная Хедина, вырвалась на свободу. Пал коварный Архимаг Игнациус, заманивший было Хедина и Ракота в ловушку, пал и гениальный, но безумный чародей Эвенгар Салладорский, мечтавший достичь божественности. Предавшая Хедина эльфа-вампира Эйвилль погибла тоже, оставив в руках Нового Бога ценнейший артефакт, залог Дальних, данный ей как доказательство серьёзности их намерений.

Боевой Маг Долины Клара Хюммель сумела вытащить из Эвиала хранителя кристалла магии Эвиала, дракона Сфайрата. Ей удалось отыскать тихую гавань, где они и зажили как муж и жена, успев родить четверых детей, ибо время в том мире текло быстрее, чем, к примеру, в Обетованном или даже в Мельине.

Однако мирной передышки не получилось. Планы Хаоса и Дальних Сил были сорваны, но полного поражения они не потерпели. Подмастерья Хедина вынуждены были вступить в бой во многих местах, удерживая равновесие.

Линия Клары Хюммель

Мирная жизнь Клары Хюммель оказалась нарушена, когда к ней в гости пожаловал странный местный маг, назвавшийся Гентом Гойлзом. Он намекнул, что догадывается о её истинном происхождении; и, хотя на первый взгляд визит его не нес никакой непосредственной угрозы, Клара забеспокоилась.

Её беспокойство оказалось не напрасным.

В этом же мире оказался эльф-вампир Ан-Авагар, из гнезда уже упомянутой Эйвилль; он служил Хедину, однако службу эту понимал весьма своеобразно,

скорее как индульгенцию на кровавые злодеяния.

Пытаясь разобраться, что за зло творится в окрестностях родного посёлка, дети Клары и Сфайрата угодили в древнюю ловушку, расставленную неизвестно кем, но явно на «сильных магов». Непонятным для Клары образом этот капкан оказался связан с совсем иным, находящимся в Межреальности и установленным гномами-подмастерьями Хедина, рассчитывавшими «захватить живьём хоть одного Дальнего».

Одновременно уже упомянутый вампир Ан-Авагар, помимо всего прочего, вызвал и нашествие подъятых из могил мертвяков на посёлок, где жила Клара с семьёй. Выбирая, броситься ли сразу на поиски детей или вернуться к дому и помочь беззащитным перед мертвяками селянам – Клара поссорилась со Сфайратом, и он один пустился в погоню.

Кларе удалось отразить нападение мёртвых – причём помощь, неожиданно для себя, оказал и сам вампир, начавший проявлять к Кларе совсем не вампирский интерес; она смогла добраться до ловушки, где были заперты её дети. Однако волшебница не сумела бы пробиться к ним, если бы не помощь со стороны странного, но могущественного чародея, назвавшегося Кором Двейном.

Детей Кларе удалось отбить, но при этом она вступила в бой с гномами-подмастерьями Хедина, что изо всех сил спешили к сработавшей ловушке, будучи уверены, что «захватили Дальнего».

Кор Двейн уверяет её, что теперь она враждует с Новым Богом Хедином, который «подобного не прощает».

В то же самое время девочка Ирма, оказавшаяся в невольных ученицах у Клары Хюммель, попадает в замок к странным магам, «брату и сестре» Кора Двейна по имени Скъёльд и Соллей. Соллей берётся обучать Ирму магии – Клара до этого открыла в девочке немалый талант.

Освободив детей, Клара должна теперь разыскать мужа, дракона Сфайрата, и объясниться с ним.

Вернувшись с детьми в Поколь, Клара обнаружила селение почти полностью разорённым. Страж-кот Шоня, однако, уцелел и сумел сохранить в неприкосновенности дом Клары и Сфайрата. Людям из этих мест помогли перебраться в другие деревни маги Беллеоры, ближайшего большого города.

Клара с детьми и Шоней отправились на поиски Сфайрата.

В Межреальности, однако, их перехватил отряд подмастерьев Хедина под водительством гнома Керрета, того самого, что едва не пленил детей Клары в расставленной «на Дальнего» ловушке. Керрет потребовал от Клары «сдаться»; она отказалась, однако сумела втянуть гнома в переговоры. Никто не знает, чем бы закончилась их беседа, но по какой-то случайности вспыхнула схватка.

Зося, младшая дочь Клары, была тяжело, почти смертельно ранена.

Кларе удалось удержать её на самом краю смерти, однако долго так продолжаться не могло. К счастью, Чаргос, старший сын Клары, смог вовремя привести помощь.

Линия гарпии Гелерры

Полк гарпии Гелерры сражался в Хьёрварде, где неведомые противники бросили в бой мало что понимающих, но жадных до драки быкоглавцев, к которым присоединились низкорослые карлики-чародеи из дикого, не известного никому мира, где их вербовал какой-то странный, но явно очень могущественный маг.

Разбивая воздвигнутый чужими волшебниками щит, Гелерра угодила под непонятное воздействие, лишившее её чувств и перебросившее неведомым образом далеко в Межреальность.

Там она столкнулась с чародеем Скъёльдом, заявившим, что он якобы «спас» её, удержав от падения «в бездну, где кроются корни Мирового Древа». Скъёльд задал гарпии только один вопрос: что выбирает она – свободу или служение. Гелерра гордо ответила, что долг её – служение великому богу Хедину. Чародей, как и обещал, дал ей свободу, однако Гелерра оказалась не в каком-то из миров и даже не в Межреальности, а в странном призрачном месте, похожем на крону

исполинского древа, где её, беспомощную, несло сильнейшим магическим потоком, мало-помалу превращая в демона.

В конце концов, охваченную отчаянием, разуверившуюся Гелерру вынесло в некий мир, но уже не крылатой гарпией-адатой, а жутким чудовищем.

Там она столкнулась с неведомым врагом, охотником на демонов, и едва не погибла от его чар. Спасла её чародейка Соллей, оказавшаяся в нужном месте и в нужное время. Спасла и взяла с собой. В замке Соллей и Скьёльд принялись за «излечение» гарпии, как они называли это, утверждая, что они «в долгу» перед Гелеррой, и что ей здесь помогают просто так.

Попутно Соллей осторожно, не заходя слишком далеко, расспрашивала Гелерру о Хедине и её службе, утверждая, что они с братьями – исключительно «за свободу» и не потребуют с адаты никакой службы взамен. Более того, Соллей уверяла, что, борясь с их врагами Дальними, она тем самым «помогает великому Хедину». Особенно волшебницу интересовал зелёный кристалл, залог Эйвилль, полученный вампиршей от Дальних и найденный потом Гелеррой в Межреальности.

Гелерра никому ничего не обещала, однако её всё чаще посещали мысли, совсем не свойственные верному ученику Познавшего Тьму.

Линия Матфея Исидорти

Матфей Исидорти, обычный смертный человек, молодой клирик монастыря Сил Святых в самом обычном мире Упорядоченного, был одержим тягой к постижению тайного и запретного. Больше всего его привлекали истории о загадочных демонах и способах повелевать ими – и наконец в руки Матфею попали старинные и запретные книги, как раз посвящённые этому.

Молодой клирик оставил монастырь и, после долгого пути, достиг мест, где, согласно анонимному автору, появлялись демоны; там адепт, не обделённый смелостью, мог надеяться познать их и даже подчинить себе.

Матфею сопутствовала удача. Он отразил атаки демонов, хотя схватка с третьим из них забросила его в неведомое подземелье, откуда не было выхода. Призрак, назвавшийся убитым им демоном, предсказал, что, дескать, несмотря на победу Матфея, он тоже обречён, поскольку должен умереть в подземелье от голода и жажды; сам же демон, мол, таков, как есть, и вынужден убивать потому, что таковым сотворили его Новые Боги.

Тем не менее Матфею удалось вырваться из ловушки – удивительное смещение пространства забросило его в совсем другие места родного мира, где его ждало столкновение с Гелеррой, почти утратившей сознание и терзаемой ужасным голодом, который, как ей казалось, может утолить лишь человеческая плоть. В схватке они оба были близки к смерти – Гелерра от вызванного рунами Матфея пламени, Матфей – от клыков и когтей «демона»; в этот момент, однако, появились двое спасителей, мужчина и девушка. Девушка-чародейка спасла Гелерру, мужчина – Матфея. Ни гарпия, ни клирик не видели в деталях своих спасителей.

Они были просто спасены.

Как и Гелерра, Матфей нашёл приют в замке Кора Двейна. Сам хозяин стал наставником молодого клирика в магических науках. Помимо этого, Двейн доверил своему новому подопечному опекать очень важную пленницу, заточённую в защищённой могущественными чарами темнице – Царицу Теней. Кор Двейн рассказал Матфею, кто она такая и что в заключении находится также и за то, что ради забавы с сородичами – так называемыми Новыми Магами – наводила орды чудовищ на ни в чём не повинных поселян Северного Хьёрварда.

Красота Царицы поразила бедолагу Матфея в самое сердце. Он не понимал, зачем Кор Двейн взвалил на него ещё и эти обязанности, но...

Приказ есть приказ.

Линия Древнего Бога О?дина и валькирии Райны, его дочери

После окончания эвильских событий, когда Старый Хрофт и Райна встретились, бог О?дин начал свою собственную игру. Вместе с Райной он откапывает давно забытые железные обломки, помнящие ещё дни славы Асгарда, и альвийская оружейница Айвли выковывает для Хрофта и Райны новые мечи. О?дин убеждён, что, хотя асы пали на Боргильдовом поле, тени их пребывают во владениях великого Демогоргона, и он сможет, так или иначе, но выручить их. Заручившись помощью Яргохора, Водителя Мёртвых, и разыскав волка Фенрира, сына Локи, О?дин с Райной отправляются в опасный путь.

Пробиться в домен Соборного Духа оказалось очень нелегко, однако на помощь Старому Хрофту неожиданно явились Дальние и уже знакомый нам маг Скъёльд, уверяющий, что он-де, мол, «с роднёй», горячо сочувствует делу Древнего Бога и готов помочь всем, чем только возможно.

Он действительно помог. Несмотря на противодействие – демонов, чудовищ, бестелесных призраков, – Старому Хрофту удалось пробить для валькирии Райны дорогу в пределы Демогоргона. Ей удалось разыскать асов и вывести их тени из царства смерти, однако это были лишь тени, безвольные и словно бы спящие. Самому же О?дину, Фенриру и Яргохору пришлось выдержать бой с подмастерьями Хедина.

Вернувшись на равнины Иды вместе с тенями асов, Старый Хрофт сумел провести ритуал, возрождающий их в прежней истинной плоти.

Хедину пришлось срочно отправиться к отстроеному Асгарду, отстроеному по-настоящему, из дерева, камня, стали и золота; Познавший Тьму стал свидетелем последних стадий обряда, закончившегося появлением из альвийского меча, вручённого О?дину оружейницей Айвли, нового ясеня Иггдрасиля, во всём подобного тому, что высился когда-то над изначальным Асгардом, Асгардом Древних Богов, что правили Хьёрвардом.

У подножия ясеня забил новый Источник Магии, родившийся из тёмной пуповины, что вела от покинутого Мимиром Источника Мудрости к неведомой маго-механической системе в глубинах Упорядоченного. Кто устроил всё это, оставалось загадкой.

Видя нарастающий катаклизм, Хедин решил отступить от возрождённого Асгарда. Сигрлинн, не согласная с ним и требовавшая решительной войны

со Старым Хрофтом до полного его низвержения, покинула Познавшего Тьму.

Встретив во владениях Демогоргона душу своей матери, Райна вместе с Ракотом двинулась в обратный путь по Упорядоченному. Валькирия была преисполнена решимости вернуть матери тело – так же, как О?дин должен был вернуть плоть всем спасённым ею асам. Однако по дороге домой валькирия вдруг ощутила странные эманации, «как до Боргильдовой Битвы», словно бы Древние Боги начали обретать силы вновь.

Спустившись в незнакомый мир, Ракот и Райна оказались лицом к лицу с загадочным Древним, обретающим силы, помимо прочего, и в массовых жертвоприношениях. Вступив с ним в схватку, Ракот, к собственному изумлению, обнаружил, что Древний куда могущественнее, чем кажется, а силы самого Ракота словно бы претерпели ущерб. После кровавой битвы им удалось пресечь зло Древнего, и Ракот поспешил к Обетованному, уведомить Хедина о случившемся; Райна же отправилась в Асгард.

В Асгарде бог О?дин принимал гостя. Явившийся посланник Дальних склонял О?дина к открытой войне против Хедина и Ракота во главе рати Древних Богов.

«Приведи мне эту рать, и я возглавлю её», – были последние слова Старого Хрофта.

Линия Сильвии Нагваль

Последняя из Красного Арка, дочь Хозяина Смертного Ливня, Сильвия Нагваль, после битвы на Утонувшем Крабе смогла выбраться из слившихся миров Эвиала и Мельина. Свободная от всех долгов и обязательств, она решила вернуться в Долину Магов – это место казалось ей наиболее соответствующим её способностям.

Без приключений добравшись до Долины, Сильвия быстро оказалась в числе воспитанниц местной Академии, скрыв свои истинные магические способности. Во время одной из своих вылазок далеко за пределы Долины она заметила отряд во главе со старой знакомой, валькирией Райной, что вёл куда-то целый сонм душ умерших.

Любопытство Сильвии оказалось сильнее всех прочих соображений.

Она последовала за Райной и её спутниками.

Погоня привела её на дорогу мёртвых богов, дорогу, которой следовали к домену великого Демогоргона Древние Боги, павшие от руки Ямерта и его родни, когда те, прозываемые Молодыми Богами (а сами они звали себя «любимыми детьми Творца»), огнём и мечом утверждали свою власть над Упорядоченным.

Здесь были очень сильны эманации Хаоса.

И Хаос сумел овладеть Сильвией.

По дороге ей встретился и очень, очень необычный спутник, назвавшийся «слугой Спасителя». Он и впрямь походил на Спасителя, но только лишь внешне. Он предрёк, что они с Сильвией ещё встретятся, ибо «их миры в опасности», и то, что они якобы задумали, лучше всего делать вместе.

Сильвия не поняла туманных речей. Она прогнала незваного гостя, и тот удалился без гнева, попрощавшись и оставив её одну.

В Долине Магов Сильвию ждал неласковый приём. Ирэн Мескотт почувствовала Хаос в крови Сильвии и попыталась её «очистить». Сильвии удалось вырваться и бежать в окрестные леса; после этого, устроив восстание гоблинов-слуг и ошеломив чародеев Долины мощью дарованной Хаосом магии, Сильвия была вполне демократически избрана главой Совета Долины – и потребовала создания ни много ни мало Империи...

Том II

«...Тот против нас!»

Глава 1

Хедин Познавший Тьму вновь обретал прежние форму и суть. Он вернулся из пасти Неназываемого, разделившись для этого на три. Две его части пребывали здесь, в обычном Упорядоченном, и готовились воссоединиться, третья же...

Третья оставалась в пределах Неназываемого. В его брюхе, в утробе, в самой его сердцевине.

И это было страшно.

Страшно, потому что Хедин видел и ощущал сам, как гибли... или скорее преображались захваченные Неназываемым души, обращаясь в его жутких слуг, козлоногих.

Они нужны, чтобы строить Путь для своего господина.

Впрочем, кто знает, потребуется ли ему ещё этот Путь, если в его утробу рухнет всё Упорядоченное. Четвёртый Источник сбил тонкие настройки поставленных некогда заклинаний, и удерживавшая зверя клетка распадалась. С точки зрения иных смертных – очень-очень медленно, так что успели бы умереть своей смертью светила, озарявшие их миры. С точки зрения других смертных – ужасно быстро, так, что они успевали заметить и прочувствовать каждое мгновение катастрофы, от которой не спасла бы и сильнейшая магия.

Великая Река Времени сходила с ума; чем ближе к логову Неназываемого, тем быстрее становился её бег, тем больше ярилось в ней водоворотов. И, соответственно, чем ближе оказывался мир к пределу, тем быстрее наступал для него конец.

Поэтому Хедин не мог выдернуть себя всего.

Не смог – часть его самого оставалась там, в пределах не-существования, где распадались и изменяли форму даже сами души. Души, что неизменно оказывались куда твёрже смертной плоти!

Он по-прежнему не имел формы. Обретал, но пока ещё не обрёл. Ему надлежало вернуться обратно, туда, к каменной чаше кипящего Урда, откуда он начинал свой путь; но отчего-то чары работали куда медленнее, чем он изначально рассчитывал.

Хедин-распростёртый, холодная, наблюдающая и изрядно ленивая ипостась, чем-то напоминавшая Великого Орлангура, привольно разлётся по всем потокам силы, от края до края Упорядоченного. Ему было интересно, он следил разом за целой пропастью событий, больших и малых, и словно бы не мог выбрать, которому стоит посвятить больше времени.

Хедин-вернувшийся, сгусток бестелесного сознания, тот самый, что должен был собрать воедино «старого» Хедина, медленно двигался обратно, «домой», к священному Урду. Он видел и воспринимал всё, что видел и воспринимал наблюдающий гигант; он видел кипящую кровью Упорядоченное.

Он видел битву, кипящую вокруг Обетованного.

Видел своих подмастерьев, оставленных там.

Видел, что творилось с остальными его отрядами, выступившими в далёкие миры быкоглавцев.

Видел, куда ведут тёмные пуповины, видел, где они заканчиваются.

И видел Ульвейна.

Вернее, слышал.

Слышал его тихий, мертвенно-спокойный голос.

«Прости, Учитель...»

Страшна цена подобного знания, и даже боги не разымают себя на части просто так, просто чтобы разведать, чем заняты их неприятели. Страшна цена – ибо колоссален соблазн так и остаться разделённым, почти всезнающим, почти всевидящим. Страшно не устоять, страшно польститься на мнимую «божественность», за которую часто принимают отстранённость, хладность и равнодушие.

Когда в единый миг обзираешь всё сущее, легко остаться безучастным к голосам малых сих.

И отсутствовало ещё нечто, нечто неуловимое, оставшееся там, с Неназываемым.

Жалость.

Жалость к душам, захваченным безумным водоворотом непустой пустоты.

И что-то ещё, столь же важное, чему Хедин пока не мог подобрать определения.

Словно он утратил полноту, завершённость, цельность.

Огромная цена была уже уплачена, а План начал выполняться лишь частично.

Огненный феникс Сигрлинн возник там, где он и ожидал, – подле Асгарда Возрождённого. Сейчас там же появится и её армия, всё, что она успела собрать. Ночные Всадницы, остатки Ордена Прекрасной Дамы... быть может, кто-то из эльфов. Ещё, быть может, кто-то из гигантов-гримтурсенов, бывших обитателей Хьёрварда, не забывших своих поражений в давних войнах с асами.

Тут всё правильно. Всё хорошо.

Ракот... Ракот подле Кипящего Котла.

План, план, план. Всё идёт по Плану, по одному из. Ибо их множество. А главное – чтобы План выполнялся...

Нет, закричал бы на это тот самый Хедин, что остался в темнице Неназываемого. Это совсем не так, это совершенно не так!

Но его бы не услышали.

Хедин-великан был увлечён интересным зрелищем – он отыскивал посмертие Эйвилль.

Хедин-вырвавшийся лихорадочно манипулировал заклятиями, стараясь упорядочить потоки магии, развязать затянувшиеся узлы. Поглощённый механикой, тонкими настройками, ловкими наложениями и перекрытиями.

Третья же ипостась, та, что оставалась в средоточии Тьмы, то, что было белым огнём, сутью Нового Бога Хедина, обернулось, глядя прямо в сердце Неназываемого.

Эта ипостась Познавшего Тьму должна оставаться здесь – и она не может остаться.

Глухая боль возникала в сознании, хотя, казалось бы, болеть было совершенно нечему.

Чтобы всё собралось бы вместе и воедино, требовалось все три части разъятого. Три, а не две.

Настоящий Хедин – он оставался здесь, в крошечной тьме, чувствуя, как «сверху», от границы с Неназываемым, обрушивались в вечный мрак новые и новые души, захваченные разбушевавшейся пустотой.

Что оставалось? – лишь смертельный риск. Риск да надежда, что оставленные позади двое сумеют... продержаться до его возвращения.

На большее он не рассчитывал.

* * *

Великолепный феникс заложил крутую петлю в небесах над равнинами Иды и, очутившись на земле, обратился прекрасной женщиной в белоснежном облегающем платье с золотой оторочкой. Волосы оставались тянущимися за нею языками седого пламени, яркими, почти слепящими.

Перед нею склонялись ряды рыцарей в столь же сияющей броне, опускаясь на одно колено. Они держали идеальное равнение, и над их рядами реяли гордые бело-золотые стяги со стремительно взмывающим фениксом.

Справа и слева от фаланги рыцарей застыли кучки странных женщин, по самые глаза закутанные в бесформенные тряпки-балахоны, с нашитыми на них лоскутьями ткани лиственного, тёмно-зелёного и корчневатого цветов. В лесу их не заметил бы глаз даже самого опытного охотника.

Больше Прекрасная Дама не позвала с собой никого.

И сейчас она медленно шла вдоль шеренги своих верных, что-то говоря и указывая на стены Асгарда.

Что именно она говорила – Хедину-гиганту было даже не очень интересно. Это он легко мог представить себе и так.

Теперь Старому Хрофту нужно было лишь продержаться требуемое время. План уверял, что Отец Дружин на это вполне способен.

Красавица в белом платье, которого не касались ни пыль, ни грязь, медленно шла вдоль строя своих рыцарей и улыбалась им – всем и каждому в отдельности.

* * *

– Болг! Болг, очнись, говорю! Не спи, лежебока!

– Тебе чего? Щас вот как прокляну, враз клыки отвалятся!

– Ученику ли великого Хедина так отвечать? – укорил собрата орк-секироносец в тяжёлой броне, утыканной, словно раковина диковинного моллюска,

торчащими во все стороны остриями.

– Прости. – Болг, орк-варлок, сел, потирая заспанные глаза. Зеленокожая рука привычно ухватилась за посох, украшенный черепами всякоразличных чудовищ.

Двое орков из числа подмастерьев Познавшего Тьму укрывались в самой обычной на вид песчаной яме, перекрытой стволами только что срубленных поблизости молодых сосенок.

Впрочем, и яма, и сосенки, и вообще всё вокруг – кроме, разумеется, приближающегося врага – существовало лишь как самый сложный магический конструкт, возведённый гением Учителя, позволял им, в случае надобности, вдвоём сражаться против множества, обходя тем самым в какой-то мере запреты Закона Равновесия.

– Не спи, – уже спокойнее повторил секироносец. – Они идут. И будь я проклят, если они не учинили и что-то ещё, особо хитроумное. Может, ты разберёшься. Я-то всё больше по боевым закл...

– Разберусь, разберусь, – брюзгливо сказал варлок, отряхивая ризы. – Только не мешайся. И топор свой с дороги у меня убери, будь ласков!

– Сколько раз тебе говорено, не топор это, а секира!

– Секира, шмекира, какая разница. Похожа на топор, значит, топор. Так... не мешайся теперь.

Посох с набитыми на него черепами проделал сложное движение вокруг варлока, из пустых глазниц сочилось призрачное зеленоватое сияние, мало-помалу начавшее заключать Болга в подобие светящейся сферы.

Плавные, размеренные движения посоха вдруг нарушились, зелёные струйки задрожали, словно под сильным ветром, и начали таять.

– Ого! – Варлок резко замер, вонзил острый конец посоха в песок. От черепов шло ощутимое тепло.

– Ты прав, Горм. – Варлок обнажил клыки, брови его сошлись к переносице. – Тут не только тебе не разобраться, тут, боюсь, дело для тёмных эльфов. Что-то с пространством. Что-то настолько хитрое, что-то... – Он махнул рукой. – Учитель был бы недоволен, коль мы б упустили подобный шанс запечатлеть что-то настолько новое. Сейчас, только шар достану...

– Какой шар?! – сквозь зубы зашипел на варлока его товарищ. – Наружу глянь!

Варлок недовольно фыркнул, однако последовал совету. Секироносец по имени Горм глядел на него выжидательно, всем видом своим готовый явить: «Ну, что я тебе говорил?!»

– Ну, что ты мне говорил? – перехватил инициативу Болг. – Тоже мне, новости! Быкоглавцы обыкновенные. С ними сколько-то мелких магов-коротышек. Чего тут особенного?

– Гелерра после стычки с ними без вести пропала...

– А ты, верно, неровно дышал к этой нашей птичке? – насмешливо осведомился варлок. – Подумаешь, пропала! Смотреть надо было внимательнее, на земле двумя ногами стоять и заклятия ловить да перехватывать, а не мертвые петли у нас над головами крутить. Давай, хватит болтать, действуем, как велел Учитель.

– Болтает тут кто угодно, только не я...

– Сарказм тебя, Горм, до добра не доведёт. Ну, давай, по счёту «три»!

Перед ними расстилалась обычная просёлочная дорога. С тележной колеёй и лужами в ней; по бокам высились сосны, самые обычные, какие растут в великом множестве миров, распространяясь зачастую вместе с мигрирующими племенами. И низкое серое небо, готовое вот-вот заплакать осенним дождичком.

Ах, да, и песчаная яма на обочине, небрежно прикрытая наспех срубленными молодыми сосенками. Небрежно прикрытая – это было важно. Орков должны были заметить и должны были первыми нанести по ним удар.

Ученикам Познавшего Тьму ничего не останется, как восстановить равновесие.

Так сказал Учитель Хедин, и так должно быть.

Колонна быкоглавцев замерла, и в следующий миг сноровисто бросилась в заросли по обе стороны дороги. Малыши-маги в коричневых плащах не отставали.

– Держись теперь, – хищно усмехнулся варлок, широко размахиваясь посохом.

Череп заплакали тёмным дымом. Плотная завеса стремительно стягивалась вокруг двух орков и успела сгуститься до почти полной непроглядности, когда вокруг них разом вспыхнуло пламя, и песчаная яма превратилась в подобие кузнечного горна.

* * *

Рыцарь Леотар стоял за высоким, почти в рост человека, плетнём. На деревенский плетень, правда, это походило мало – вбитые в землю колья были толщиной в бедро взрослого человека. Меж ними перевиты шипастые гибкие лианы, необычайно прочные, какие не всякий меч разрубит. Рядом с рыцарем застыл арбалетчик, стройный, в высоком островерхом шлеме с опущенным на лицо наличьем.

– Спокойно, Мьёлль; пусть поближе подойдут, как Учитель советовал.

Стрелок по имени Мьёлль переступил с ноги на ногу, поправил вложенный в ложбинку болт и ответил – грудным женским голосом:

– За меня не волнуйся, дорогой. Я-то их накрою в любой момент. Ты своего не упусти только.

Чуть пониже шлема, прикрытая мелкой кольчатой сеткой хауберка, мелькнула каштановая прядь, выбившаяся из-под стали.

Стрелок по имени Мьёлль был молодой девушкой.

Рыцарь усмехнулся.

– Я-то не упущу... о, а наши приятели-орки уже начали. Горм и Болг. Значит, скоро и к нам пожалуют.

– Быкоглавцы? – осведомилась девушка.

– Они самые, – кивнул рыцарь. – Ты помнишь, что надо делать?

Глаза арбалетчицы зло сверкнули в глубине смотровой прорези.

– Помню, помню! Хватит повторять!

– Ты недавно в числе внимающих непосредственно Учителю. Ошибки простительны.

Девушка ничего не ответила. Лишь перехватила поудобнее арбалет да повернулась к плетню, перегораживающему такую же точно просёлочную дорогу, что вела и к яме орков.

– Если бы у этих бычар обнаружилась хоть капелька ума, они бы задумались, почему к Обетованному ведут совершенно одинаковые дороги...

– А почему к Обетованному ведут совершенно одинаковые дороги? Разве Учитель не мог сделать их разными?

– Вот сразу видно, Мьёлль, что ты новенькая. Учитель не хочет никого зря убивать. Даже быкоглавцев – и особенно быкоглавцев. Любой сведущий в магии предводитель, увидев совершенно одинаковые картинки, одинаковые сосенки, каких отродясь не бывало на подступах к Обетованному, самое меньшее бы остановился. Самое большее – чтобы повернул обратно.

– Эти не повернут, – бросила девушка.

– Не повернут, – вздохнул рыцарь. – Ну кто же так наступает, скажи ты мне? Где передовой дозор, где прознатчики? Где их чары? Почему не пустили вперёд хоть бы и слабенького призрака – разведать?

– Потому что мы бы с ним мгновенно расправились бы. Какой смысл?

– Ну, что-нибудь он всё-таки успел бы им рассказать, – пожал плечами рыцарь. –
Всё, молчим! Они уже близко. Давай, по моей команде. Раз, два, три!..

* * *

– Фредегар, давай сосиску. Нет моей мочи больше.

– Экий ты, однако, Робин! Сейчас уже готовы будут.

– Готовы-то будут, а что гости наши уже близко, ты что ж, не чуешь?

Половинчик, деловито колдовавший над небольшой сковородкой, только фыркнул.

– Я-то всё чую. Я-то не позволю паре прекраснейших сосисок пропасть только потому, что какие-то бычары решили с разбегу побиться рогатыми лбами в ворота Учителя. Сейчас будет самое то, и можно снимать. Их же нельзя ни передержать, ни недодержать, не тот аромат!

Второй половинчик, помоложе, яростно почесал затылок.

– Я, Фредегар, на любой уже согласен.

– А я нет, – невозмутимо ответил возившийся с сосисками. – Потому что как раз успеем. А торопливость хороша только при ловле блох.

– Нет у меня никаких блох!

– Да с чего ты решил, что я про тебя? Ученики великого Хедина, слава ему, от подобных бедствий избавлены. О! – Готовивший резко вскинул курчавую голову. – Да, совсем близко. Но мы всё равно успеем. Учитель был бы недоволен, кабы мы испортили хорошую еду. Так... держи!

Деревянная вилка воткнулась в румяный бок сосиски с идеальной точностью. Фредегар протянул вилку напарнику, сам взял другую. Свободной рукой спокойно снял сковородку с костерка, затоптал огонь.

- Ешь, ешь, приятель. Я слышу каждый их шаг.

- Я тоффе! - с набитым ртом возмутился Робин.

- А значит, ешь спокойно. Как раз прикончим сосиски, когда они подойдут. Не торопись, Робин, не оскорбляй спешкою творение достойнейшего колбасника Барнабада. Его сосиски есть торопливо суть святотатство.

Робин молча глядел на невозмутимого приятеля.

- Ну, а теперь, - Фредегар отложил деревянную вилку, аккуратно утёр губы, - бери лук, друг мой, и идём. Они как раз из-за поворота появятся.

Оба половинчика накинули капюшоны, взялись за луки. Дорога шла меж всё теми же молодыми сосняками; её перегораживала рогатка с неглубоким рвом и валом перед нею.

Половинчики переглянулись последний раз - и словно бы исчезли, сливаясь с соснами по обе стороны дороги, - Фредегар слева, Робин справа.

* * *

- Ну, и чего вы так на меня смотрите, вы, оба? Меня даже сожрать нельзя! Потравитесь.

- С-с-снаю. - Радужный змей висел в сажени над землёй, но внезапно надвинулся.

Вампир, к которому обращался змей, нервно попятился, плотнее запахиваясь в плащ. Покосился на мормата, невозмутимо свернувшегося клубком на обочине просёлка, прижав к телу щупальца.

– Вас Наставник зачем сюда отправил? Магию чужую слушать! А вы чем занимаетесь? Пялитесь на меня, словно я лакомство какое!

– А ты? С-с-с-сто с-с-с-слыс-с-с-сыс-с-сь? – просвистел змей, да так, что простое слово «слышишь» превратилось в совершенно неразборчивый набор свистящих звуков.

– Чего я слышу? Что сейчас появятся! Прут колонной, тысяч десять, самое меньшее, до сотни магов! Наставник...

– Ничего, – маленький гоблин высунулся из-за спины вампира. – Я им подарочков приготовил, небось не обрадуются.

– Что твои подарочки, – недовольно повернулся вампир. – Там сотня, я повторяю, сотня магов!

Безмолвный мормат поднялся в воздух. Щупальца распрямились, упав почти до земли. Гоблин проворно спрятался обратно за спину вампира.

Летающий спрут издал странный хлюпающий звук.

– Он с-с-с-смеетс-с-с-ся, – пояснил змей.

– Хватит! – расправил плечи вампир. – Вот они! По местам!..

Как ни странно, его враз послушались. И не только маленький гоблин.

* * *

Хедин-великан, Хедин-распростёртый видел всё это. Видел и отмечал с лёгким интересом, как нечто не слишком обычное, но не более. Он видел наступающие отряды, видел изготовившихся защитников. Он с некоторым – хотя, опять же, лёгким, наилегчайшим – беспокойством отметил, что иные свойства Межреальности вокруг Обетованного изменились, до странного напоминая его собственные чары, предназначенные творить новую пустоту для скармливания Неназываемому.

Тех, кто посылал отряды на штурм его жилища, он не видел даже сейчас. Слишком хорошо они подготовились, и Хедин-гигант на какое-то время озаботил себя попытками понять, как именно им это удалось, – так, небезлюбопытная задача, позволяющая с приятностью провести время. Ведь, в конце концов, разве не является он полным хозяином положения? Разве не видит он наступающие длинные колонны быкоглавцев? Разве не уверен он в своих собственных заклинаниях? Всё, что требуется, – чтобы его подданные, его подмастерья в точности исполнили бы его указания. Больше ничего.

Хедин-второй, Хедин, двигавшийся к точке объединения всех трёх своих ипостасей, не испытывал ничего, кроме раздражения и злости. Такой прекрасный План! Всё настолько продумано, просчитано, надёжно! И вот, пожалуйста, сбой по причине, предугадать которую не смог бы даже сам Великий Орлангур!..

Лишённый тела и сам обращённый сейчас в призрака, Хедин ясно и остро ощущал судороги пространства, окружающего Обетованное. Четвёртый Источник заключал его сейчас в кокон непроницаемой завесы, завесы из такой же новосотворённой пустоты.

Ловко, не мог не отметить он со всевозрастающим раздражением. Ловко. Такого против него не пускал в ход ещё никто. За все зоны, пока работал механизм защиты Упорядоченного от засевшего в его сердце Неназываемого, ни один из врагов Нового Бога Хедина не догадался повернуть против него его же собственное оружие.

Они заслуживали, по крайней мере, известного уважения.

Хотя достаточно несложные умозаключения требовали их немедленного и как можно более быстрого исключения из числа действующих в Упорядоченном.

Просто потому, что такие не остановятся на полпути.

И, быть может, как раз и идут, чтобы положить конец их с Работом власти.

«Мы пленники на невесть сколько тысячелетий...» – сказал он когда-то названому брату.

Тысячелетия истекли?

Нет! – поднимался в груди гнев. Какие-то... заклинатели, похитившие его собственные чары и извратившие их, – как можно им вручать власть над Упорядоченным?! Нет! Всё, что у них за душой, это фокусы и уловки; нет – они не пройдут! Не пройдут! Он повергнет их, опрокинет, ведь Упорядоченное достойно куда большего!

Он знал, что это не его мысли. Не его-подлинного. Лишь фрагменты их, ничтожная их часть. Знал и понимал умом – и постепенно сквозь всё остальное пробивался ужас – сколько ж ему, оказывается, пришлось оставить там, в логове Неназываемого!

Сколько его-истинного, его-настоящего. Искреннего, заботящегося, охраняющего, берегающего. Нагие мысли-приводы, мысли-действия, подобные тягловому скоту, нужны лишь для свершений по приказу и побуждению истинного его естества – сейчас становились поневоле главенствующими.

Словно из человеческого тела исторгли душу, оставив лишь самое простое. Двигаться, есть, пить, размножаться.

Но ещё оставалась жуткая пустота, осознание утраты.

И это единственное, что удерживало его от безумия и распада.

Тени настоящего, им предстояло продержаться, пока это настоящее не вернётся.

Память и пустота – против ложной полноты.

Он надеялся, что, когда ему удастся собрать по крайней мере две ипостаси из трёх, станет легче. Но даже ему, сбросившему плоть, пробиваться к Урду становилось всё труднее. Бестелесный, он должен был бы пронзить потоки пустоты, однако ощущение было такое, что он, нагибаясь и выставив плечо, пытается удержаться против накатывающихся морских волн.

Как ловко. Как хитро. Они провернули это у него под носом, а он – он! Новый Бог! – ничего не заметил, не почувствовал. Они привели в действие ловушку и всю систему тщательно замаскированных чар в тот единственный момент, когда могли на самом деле помешать.

Им наплевать на Упорядоченное. Они хотят властвовать, пусть даже на краткий миг. Они настолько ненавидят его, Хедина, что готовы принести в жертву весь мир, всё сущее.

Он должен устранить эту угрозу. Как можно быстрее и как можно более действенно.

Действенно – вот ключевое слово.

Всё прочее вторично. Мораль прекрасна и замечательна, когда остаются те, что смогут его осуждать. Его задача – дать им такой шанс.

Дотянуться до Урда.

Собрать двоих. Для начала. Сделать грязную работу – о, да, она будет грязной, подсказывала память, но разум оставался равнодушен.

Но для этого его подмастерья должны продержаться – и они, и возведённые им на подмогу конструкты.

* * *

Хедин Познавший Тьму, Хедин-истинный, Хедин, добровольно исторгнувший самую свою суть, пребывал сейчас в самом сердце этой самой Тьмы. Если, конечно, принимать за неё полное отсутствие света.

Нечто сильнее всепожирающей пасти Неназываемого по-прежнему соединяло его с двумя остальными ипостасями.

Три Хедина.

Один – Наблюдающий.

Другой – Действующий, если его так можно назвать, хотя сам он пока ничего ещё не совершил. Но готов, готов в любой миг и без особых колебаний. Надо, значит надо.

И он сам, истинный. Чувствующий? Жалеющий? Сострадающий?

Или просто – живой?

Так или иначе – отсюда надо убираться.

И – отсюда убираться нельзя.

Потому что сюда во множестве рушатся души, души из вдребезги разнесённых «царств мёртвых». Из обитателей мёртвых, которые они с Работом оставили «в покое», попросту говоря – махнув на них рукой. Не разобравшись, что с ними и как, бросив на произвол судьбы. И вот вам, пожалуйста, результат – козлоногие. Сейчас не скажешь, которые из них сотворены посредством душ, захваченных Неназываемым, пока они с Работом не остановили его продвижение, а которые попали к нему уже в не столь давнем прошлом.

«Что, если потоки нашей пустоты, которую я считал такой пустой, ничто не задевающей, ничего за собой не увлекающей, на самом деле тащили к пропасти заблудшие, сбившиеся с пути души? Души погибших миров. Души тех, кто сделался призраками, аппаратными, фантомами?

Что, если именно из них и строилась гвардия Неназываемого?

Строилась и строилась, пока мы разводили руками и гадали, откуда у всеуничтожающей сущности взялись такие слуги.

Слепцы».

Память пламени сильна в нём, память о белом пламени.

Память о Джибулистане, о Голубом Городе. О любви и гордости. Об ошибках и заблуждениях. Обо всём том, что не давало ему превратиться в очередного Бога Горы.

Нельзя не остаться. Нельзя остаться.

Задача, достойная Познавшего Тьму, не так ли?

Впрочем, если все остальные будут выполнять План, неважно, по доброй воле или против оной, немного времени у него будет. Хотя, конечно, неведомо, как именно течёт время в этом проклятом месте относительно остального Упорядоченного...

Он чувствовал две других ипостаси всё время, но не мог им приказывать. Не мог с ними говорить. Просто видел точно со стороны, глядел частично их глазами, частично воспринимал мир их чувствами.

«Если это я, – думал он, – то, великий Творец, как же Си меня терпела и не убила гораздо раньше? Надеялась на моё «исправление»?

Но это я. Это не одежда и даже не тело, что можно поменять по желанию».

Впрочем, о Си он подумает после. После – потому что в утробу Неназываемого обрушился очередной сонм душ.

Хедин не имел тела, не имел, похоже, вообще ничего, кроме воли, сжатой в микроскопическую, незримую, неосязаемую частицу. Здесь не сработали бы никакие привычные заклятия. Сила Неназываемого разрушала всё упорядоченное, всё выстроенное, всё структурированное.

Всё возведённое.

Вот они, души. Единое целое, созданное гением Творца. Неделимое. И это, похоже, не может уничтожить до конца даже сам Неназываемый.

Сознания Хедина вновь коснулся многоголосый шёпот-воплъ. Вопль ужаса и отчаяния, нескончаемых, которые будут вечно – ибо, думал Хедин, кто знает,

что случается с пленёнными душами, когда тело козлоногого удаётся убить?

Сможет ли он их остановить? Сможет ли задержать их падение?

Что-то ведь оберегает его от участи сделаться... э-э-э... одним из козлоногих?

Великий Предел, подумал он. Творец создал всё... весомым, определённым. Воплощённым, даже если это столь бесплотное создание, как душа.

Всё, кроме нас, Истинных Магов. Мы – великий предел, мы грань, мы то, что отделяет. Нас нет, и мы есть. Мы то, что между самыми крошечными из крошечных кирпичиков сущего. Мы – Великий Предел, и даже сам Неназываемый не имеет власти над нашей сутью.

Боги тяжелее, вещественнее. Истинные Маги – легче и подвижнее. Воля Великого Предела сильнее, чем даже притяжение.

Хедин потянулся к падающим душам. Сам он, похоже, достиг некоего собственного дна и более не проваливался.

Он тянулся к ним от отчаяния и гнева. Тянулся, потому что великая работа Творца не должна доставаться чудовищу, обращающему их в свои тупые орудия!..

Его вновь окатили волны беззвучного многоголосья. И вновь, как и в первый раз, Хедину почудились какие-то начала последовательностей, согласованные перепады, приливы и отливы – и вновь ему не удалось извлечь из этого никакого смысла.

Он только осознал, какая же огромная сила сжата здесь в крошечный объём. И какая катастрофа может разразиться, если эта сила каким-то образом получит свободу, даже и не путём пожирания всего Упорядоченного.

Он должен дотянуться. Обязательно должен.

Воля, сила, желание, возможность. У него не осталось рук, он отбросил заклятья, весь их арсенал, как мешающие костыли.

Воля и тяга.

Здесь, в потоке гибнущего пространства, где не осталось привычных структур Упорядоченного, где перемолотые останки текли и текли, влагая самое себя в Неназываемого, становясь им, оставалось одно действующее начало – воля.

Души дрогнули. Их падение чуть-чуть замедлилось. Они плыли теперь ближе к Хедину; не остановились, но пути их сместились.

Ещё! Давай ещё!

Он разрывался и гас.

То ничтожно крошечное, ворвавшееся в твердыню Неназываемого, грозило-таки утратить свою суть, своё определение, своё предназначение.

Души всё ближе. Нет, отнюдь не бледные призраки, какими они путешествуют по Чёрному Тракту, начинающемуся на Гнипахеллире. Такие же, как и он сам, мельчайшие частицы Сущего, только и могущие выжить там, где гибнет даже пустота.

Хедин тянул их к себе, поражаясь собственному усилию и в то же время ощущая, как тает его... нет, даже не «сила». Тает его суть. Развоплощается, исчезает, растрачивается.

Он чётко ощущал предел. Свой собственный предел, увы, не тот Великий, чем был он сам и о котором им толковали ещё птицеглавые наставники.

Великий Предел, словно рассекающий надвое его самого.

Там, где нет различия, нет и движения.

Верно это и для Истинных Магов.

Потому что он всё равно оставался Истинным Магом, так и не разгадав тайну божественности.

Души сжимались вокруг него, собирались в некое подобие кокона, и Хедин ощутил вдруг, что убывание его замедляется.

Да и души больше не проваливались.

Они окружили его, каждая по отдельности и все вместе, как совокупность.

Они держались сами и держали его. А он – держал их.

Наблюдающий и Действующий замерли.

Наблюдающего это приятно удивило. Неожиданно, неожиданно. Кто бы мог подумать! Существующие модели, получается, неточны, причём очень сильно неточны.

Действующий нетерпеливо дёрнулся, словно успев застояться. На него давил поток пустоты, ему, пожалуй, приходилось труднее всех – потому что Действие без Мысли поистине обречено.

А на ближних подступах к Обетованному вскипала битва, расплзалась истекающими кровью щупальцами попавших под удар колонн.

Подмастерья принимали бой.

А Сигрлинн у врат Асгарда Возрождённого его предлагала.

* * *

Сигрлинн шла вдоль строя своих рыцарей. Всё готово, все готовы. Готовы Ночные Всадницы. Готова она сама – свирепая решимость сквозила в каждом жесте, в каждом движении.

Хедин-наблюдающий видел это и чувствовал.

Хедин-действующий отмечал изготовившиеся к броску войска. Видел, что штурм действительно пойдёт серьёзный. Сигрлинн не намеревалась отступить.

Асгард Возрождённый стоял – тёмный, словно вымерший. Скрылся куда-то даже исполинский волк Фенрир.

И, кроме домена Демогоргона, Асгард был, пожалуй, самым недоступным для взоров Хедина-наблюдающего местом.

Сигрлинн шла вдоль строя.

Вился на ветру белый стяг с золотисто-алым фениксом.

Рыцарей собралось не так уж и много, несколько тысяч, самое большее. Ночных Всадниц едва ли сотня.

И с этой армией штурмовать Асгард Возрождённый, с ожившим Иггдрасилем и четвёртым Источником?

Сигрлинн, похоже, не сомневалась.

Вот она замерла в самой середине строя.

Вот вскинула руку, изгибая немислимо тонкий стан.

Вот рука её упала, и в следующий миг на месте, где только что стояла чародейка, взвихрился огненный смерч.

Линия рыцарей дрогнула и двинулась вперёд. Мерным, спокойным, даже каким-то неторопливым шагом.

Ни тебе осадных башен, ни штурмовых лестниц. Среди тяжеловооружённых рыцарей, до глаз закованных в броню, потерялись небольшие кучки арбалетчиков.

Что она делает?! Что она задумала?

Хедин-наблюдающий с интересом воззрился на происходящее. Хм, что ж такое измыслила его возлюбленная, похоже, нечто весьма занятное. Пожалуй, всё-таки стоит последить. Несмотря на вполне очевидные «но».

* * *

Из-за поворота одной и той же просёлочной дороги вынырнули головы различных маршевых колонн быкоглавцев.

Дорога одна и та же. Те же повороты, те же лужи, та же колея.

Разнятся лишь те, кто встретит наступающих четвероруких воителей.

Орки Болг и Горм избрали старый добрый способ орочьих воинов; опасность полагалось встречать грудью, прибегающий к засадам, обходам, охватам, нападениям на лагеря считался утратившим честь и, следовательно, оказывался вне закона.

Горм одним прыжком оказался прямо на середине дороги, огромная секира с шипением рассекла воздух. Он был славен далеко не одной только ловкостью с оружием, но слегка опешившие сперва быкоглавцы этого не знали. Они видели лишь одинокого орка в тяжёлой броне, верно, окончательно лишившегося рассудка.

Маги-коротышки в коротких плащах выдвинулись вперёд, что-то запищали возбуждённо могучим быкоглавцам, тыча пальцами в орка-секироносца.

Горм зарычал, завыл по-звериному, так, что из-под шлема полетели клочья белой пены. По-прежнему крутя массивную секиру одной рукой, он шагал прямо на замершую толпу врагов.

И они приняли вызов.

Огромный, массивный быкоглавец с обрубленным наполовину правым рогом двинулся навстречу орку. В каждой из рук он сжимал по длинному мечу, какой ни за что не поднять обычному человеку.

Коротышка в коричневом плаще, неотличимый от прочих магов этого племени, почти что повис на правом нижнем локте исполина, но тот лишь отмахнулся. Коротышка взлетел вверх тормашками, перевернулся в воздухе и плюхнулся на спину. Плюхнулся и остался лежать неподвижно.

Орк ростом едва достигал груди четверорукого великана. Его секира, столь грозная и устрашающая, против этого быкоглавого гиганта казалась детской игрушкой.

И тем не менее Горм атаковал.

Его боевой клич оглушал. Казалось, вместе с ним глотку раздирает самое меньшее тысяч сто его собратьев.

Ноги орка пожирали сажени. Отделявшее его от быкоглавого великана расстояние он преодолел в два прыжка. Секира врезалась в устремившийся ей наперерез меч великана и рассекла его так же легко, словно клинок был тонким прутиком.

Горм рубанул вновь, на сей раз вкось, и его секира разрубила локоть быкоглавца. Правая верхняя рука тяжело шлёпнулась наземь, из культи хлынула кровь.

А Горм уже прыгнул, уцепившись за плечевой ремень быкоглавца. Лезвие секиры чиркнуло по горлу незадачливого бойца, и орк легко отскочил, с усмешкой наблюдая, как рухнуло сперва на колени, а потом и распростёрлось у его ног огромное тело.

Воин Познавшего Тьму потряс секирой и издал победный вопль.

За его спиной сидевший в яме варлок закатил глаза. И продолжил плести заклятие за заклятием.

Быкоглавцы слегка попятились. Гибель их вожака, последовавшая меньше чем за пару мгновений, их явно отрезвила.

Но мелкие маги в коричневых плащах так просто сдаваться не собирались. Не меньше дюжины их бросились вперёд, падая на одно колено и словно растягивая невидимые луки.

Горм лихо свистнул, закрутил секиру вокруг головы. Воздух вокруг него вдруг заполнился лопающимися зеленоватыми пузырями, очень напоминавшими безобидные мыльные, но именно что напоминавшими – он вдруг пошатнулся, скривившись от боли.

Орк зарычал и отшагнул, вновь упёрся. На броне его расплывались чёрные пятна, словно от сажи.

Варлок, по-прежнему стоя в закопчённой яме, заскрежетал было зубами, но мигом взял себя в руки – из глазниц черепов на его посохе валил густой зеленоватый дым.

Оправившись от растерянности, полезли вперёд и остальные быкоглавцы, вломились в сосняк по обе стороны дороги, окружая безумного орка с боков.

Горм ухмыльнулся под шлемом.

Поистине, Учитель слишком добр к ним, своим ученикам.

Быкоглавцы ринулись на него со всех сторон – вернее, это им показалось, что со всех сторон. Только что перед их глазами была спина проклятого орка – и вдруг всё смешивается, они сшибаются с теми, что должны были бы атаковать врага совсем с другой стороны. Яростная брань, скрежет столкнувшихся щитов, кто-то падает, кто-то наступает кому-то на голову, кому-то рога протыкают ступню.

Секира же в руках хединского подмастерья не мешкает, трудится вовсю, свистит и свистит, рубит направо и налево, вперёд и назад, рассекая железо и кожу, нагрудники и наплечники, черепа и кости.

В мгновение ока на дороге возникла груда покрытых кровью тел, застывших в нелепых, смертью запечатлённых позах.

А орк, несмотря на это, не собирался стоять на одном месте – вон он уже перепрыгнул через поверженного быкоглавца, вот он уже рядом, и направленные ему в грудь заклятия бессильно лопаются цветными мыльными пузырями, лишь пятная гарью его шипастые доспехи.

Коротышки-маги бросились врассыпную. Правда, успели не все. Трое или четверо отлетело грудой окровавленных тряпок; быкоглавцы попятнулись.

Их были тысячи, тысячи и тысячи, а против них – один-единственный орк с секирой.

И они ничего не могли с ним сделать.

Второй раз они атаквали уже куда осторожнее. В первые ряды выдвинулись стрелки, десятки стрелков. Четырёхрукость позволяла перезаряжать арбалеты очень быстро, на орка обрушилась лавина железных дровов, каждый из которых пробил бы всадника в полном вооружении вместе с конём.

Дроты ударяли в бешено крутящуюся секиру и исчезали в бледных вспышках пламени.

Орк не отступал ни на шаг. Стоял, вращал секиру над головой, и хохотал.

И, сколько бы стрел ни летело в него, все неизменно попадали в шипящую сталь.

Кто бы ни командовал быкоглавцами, он – или она – похоже, решил, что одинокий орк неизбежно устанет. Отряды вломилась в чашу, прокладывая себе дорогу среди молодого сосняка, очевидно, намереваясь просто обойти странного бойца.

Краткое время спустя их вывело к тому же месту, прямо под стрелы их собственных арбалетчиков.

Вновь яростные крики, брань; какому-то слишком меткому стрелку снесли голову.

Куча мала вокруг орка – и вновь быкоглавцы откатываются, оставив дюжины две трупов.

Горм стоял и громко, напоказ, хохотал, показывая четвероруким воителям непристойные жесты.

Быкоглавцы попятились. Они пятились и пятились, пока не оказались в доброй сотне шагов от орка. Тот опустил секиру – и разом полдюжины стрел ударили прямо в него, со звоном отскочив от утыканной шипами кирасы.

Горм громко фыркнул, в очередной раз объявил, что матушки всех его сегодняшних противников не иначе как согрешили с различными домашними животными, коль породили на свет столь жалкое подобие настоящих воинов, повернулся к быкоглавцам спиной и, посвистывая, пошёл к их с Болгом яме.

Поняли ли его слова быкоглавцы, нет ли – орки не ведали.

Они просто гордились хорошо сделанной работой.

* * *

Рыцарь Леотар и девушка-стрелок по имени Мьёлль укрывались за палисадом. Воздух над ними стонал и гудел, огнешары то и дело лопались над самыми головами, однако сами они двое оставались живы и невредимы. Время от времени рыцарь, привставая, ловко сшибал мечом какой-нибудь шар покрупнее, и тогда он стекал по лезвию каплями яркого пламени.

Мьёлль стреляла. Стреляла как заводная механическая кукла, затверженными движениями, скупыми и точными. От каждой её стрелы там, на просёлке, или разражался огненный шторм, или от вонзившегося древка расползались в разные стороны сонмища голубоватых молний, или из внезапно появившихся над самыми головами облаков начинал лить кислотный ливень, мгновенно обращавший в жижу и железо, и плоть.

Быкоглавцы давно уже попятились назад, выдвинув – а попросту говоря, выпихнув – вперёд магов-коротышек. Те старались всю, но не преуспевали, более того – обожжённую землю пятнали десятки их коричневых плащей,

прикрывавших мёртвые тела; разумеется, там, где их не настигла кислота.

Сосняку по обе стороны дороги тоже изрядно досталось. Деревья проредило огнём, расщепило молниями, выжгло изрядные проплешины растворяющими всё ливнями.

Атакующие тоже подались назад, но совсем в покое защитников не оставили, справедливо надеясь на собственную численность и что усталость в конце концов возьмёт своё.

Это обходилось им в изрядное количество новых и новых павших.

Но приступа они не прекращали.

* * *

– Испортили сковородку. Они испортили сковородку, Робин!

– Тоже мне беда, другую найдёшь.

– Не, это была счастливая... вон, гляди, навывлет пробрили!

– А ты бы спрятал её получше!

– Я-то спрятал. Я-то спрятал, а кое-кто щит не обновил, пробило! И прямо в сковородку. Эх.

– Фредегар!..

– Да вижу, вижу. Сейчас отведу. А ты глаза на меня не пяль, у тебя стрелы в колчане скоро паутиной зарастут. Эх, какая сковородка была...

– Фредегар!!!

– Не вопи. Учителя не позорь. А, бездна тебя возьми, Робин, куда смотришь?..

Трепещущий купол раскрывался над головами двух половинчиков, поглощая нацеленные в них заклятия. Подступы к их не без уюта оборудованной засидке казались сейчас местом, где резвились все без исключения демоны небес и бездн: разорванные в клочья тела быкоглавцев и их низкорослых помощников-магов, торчащие из груд мяса острые обломки костей, местами – полуочищенные от плоти костяки, словно здесь уже поработала орда острозубых крыс.

Быкоглавцы, как и те, что атаковали орков и рыцаря Леотара с арбалетчицей Мьёлль, пытались обойти сопротивлявшихся, но неизменно оказывались прямо перед призрачной завесой, защищавшей половинчиков.

Сейчас они в который уже раз откатились назад (повторялось всё то же самое); их маги безо всякого успеха бомбардировали укрывшихся Фредегара и Робина водопадами самых разнообразных заклятий.

Да, безо всякого успеха, но били они непрерывно. Дюжины боевых магов сменяли одна другую, что было сил пытаясь смять колышущийся защитный купол, удерживаемый Фредегаром.

Не обойти и не задавить навалом. Оставалось только брать измором.

– Хорошая была сковородка, – в очередной раз вздохнул Фредегар. – Давай, Робин, давай, не спи!.. Как тебя Учитель только терпит, по одной лишь невыносимой доброте своей, не иначе! Другой бы давно уже выгнал. Вот как я бы.

* * *

– Долг, на нас Учителем возложенный, высок и тяжок, и, как таковой...

– С-с-с-самолчи, вампир. – Радужный змей изо всех сил старался говорить как можно отчётливее, но от шепелявости так просто не отделаешься.

– Чего это «замолчи»? – обиделся тот.

– Лес-с-с-сти.

– Чего? Какой ещё лести?

– Лети он вроде как говорит, – вмешался гоблин.

– Лети, – подтвердил змей. – В-с-с-с-сё готово.

Вампир с явным подозрением покосился на голубую хрустального вида каплю, что гоблин протягивал ему на заскорузлой от мозолей ладони.

Это, конечно, была никакая не скляница и вообще не сосуд. Просто голубая капля, в глубине которой медленно вспыхивали и угасали крохотные огоньки, словно далёкие звёзды на ночном небосклоне.

– Лети. Угу-угу, – подтвердил гоблин в ответ на пристальный взгляд вампира.

– Что ж, я, как истинный последователь Учителя, первым и добровольно отправляюсь на опаснейшее дело, и, таковой...

– Ты ж уже мёртвый, – прервал изливания вампира гоблин. – Тебе и лететь. А мы пока следующую капельку тебе сообразим.

Вампир гордо задрал подбородок, завернулся в плащ одним движением – и над головами взмыла вверх крупная летучая мышь, зажимая в когтях голубую каплю. Заложив крутой вираж и вихрем умчалась прочь, туда, где укрывались быкоглавцы.

– Он справится, – торопливо сказал гоблин, вытирая широкие ладони о кожаные штаны.

Радужный змей молча наклонил голову. Старый мормат вообще не говорил ничего и никогда, но зато всегда знал, что надо делать и как.

– Он долетит, правда ведь? – запинаясь, вдруг сказал гоблин.

Мормат подплыл к нему, коснулся тёмным щупальцем плеча.

И подмигнул.

Миг спустя над сосняком словно вспыхнуло новое солнце. Там, где укрывалась колонна быкоглавцев, рос и тянулся к небу огненный столп.

Гоблин покачал головой и горестно вздохнул.

– Так. Будет. Лучше.

Радужный змей и гоблин с равным изумлением уставились на вдруг заговорившего мормата.

– Смерть. Немногих. Остановит. Остальных.

– А... как же... вомпер-то наш? – растерянно проговорил гоблин.

Они ждали. Огненный столп вздыбился, развернулся и опал, рассеявшись, оставив по себе лишь исполинский дымный гриб.

– Охо-хо... – вздохнул гоблин. – Всевеликий Хедин-владыка, да неужто...

– С-с-смотри! – резко оборвал его змей.

Гоблин аж встал на цыпочки – и верно: тяжело взмахивая крыльями, к ним летела обратно летучая мышь. Шерсть на ней дымилась во множестве мест.

– Кажется, – пробормотал гоблин, – мы слегка переборщили...

– Не «мы», а ты! – простонал перекинувшийся вампир. – Ты слегка переборщил! И даже не слегка, впрочем!..

– Слово. Учителя. Исполнено, – кратко и сухо бросил мормат, разом прекратив распрю.

Обетованное держалось.

* * *

Хедин видел своих подмастерьев. Видел, что они и впрямь держатся, что поставленные ловушки сработали. Четыре длинные колонны втянулись в хитроумно свёрнутые пути Межреальности, оказавшись в заранее стянутых узлах.

И здесь, в западне Неназываемого, Хедин лихорадочно просчитывал возможности, ибо знал – у двух его ипостасей, что оставались на свободе, живого чувства воплотить задуманное Планом точно не хватит.

Потому что там, снаружи, продолжала расширяться чёрная глобула, и иссякающие потоки пустоты (вдобавок утратившей «истинную пустотность») уже не могли сдержать её рост.

Рассчитывали ли на это Дальние? Или они уже готовы принести Упорядоченное в жертву?

Рассчитывали ли на это слуги Хаоса? Или они уже готовы схватиться с Неназываемым сами, когда – и если – он покончит с сотворённым?

Рассчитывал ли на это Спаситель? Или он уже пожрал все доступные ему души в Упорядоченном?

Рассчитывали ли на это Столпы Третьей Силы – Дракон и Орёл, Орлангур и Демогоргон? Или они решили, что пора заканчивать слишком затянувшееся представление, а их самих ждёт путешествие через Хаос к иной монаде, дремлющей, но уже готовой к пробуждению?

Простая логика требовала, что враждующим силам Упорядоченного, от Древних до Дальних (причём не исключая и хаоситов), следует сейчас прекратить все распри. Неназываемый равно угрожал всем, и казалось совершенно естественным сперва избавиться от этой напасти.

Но простая логика, очевидно, не работала.

Конечно, история множества миров сохранила массу свидетельств, как смертные и бессмертные не могли сплотиться даже перед лицом общего врага; но тот враг, как правило, был обычным. Сменились бы правители на тронах, в иную казну пошли бы сборы и подати – но от беды можно было убежать; в конце концов, для малых сих оставалась возможность сдаться. Победителю ведь тоже требуется пить-есть, и желательно получше.

Неназываемый подобного выхода не оставлял.

Только всеобщая война. И всеобщие же поражение или победа.

Целую бездну времени все эти «великие силы» могли враждовать только и исключительно потому, что работали старые заветы Хедина и Ракота. Клетка сдерживала Неназываемого, хоть и не полностью. Но с козлоногими, по крайней мере, можно было сражаться и побеждать.

Неназываемого же победить невоз...

Хедин оборвал себя. *Cogito ergo sum*, как сказал один мудрец в одном закрытом мире. Гости из Упорядоченного всё равно извлекли его мысли из-под спуда. «Я мыслю, следовательно, я существую». Он, Познавший Тьму, уцелел в непосредственной близости от Неназываемого, возле его сердца, уцелел там, где разрушалось всё остальное.

Вокруг него собрались души, он сумел притянуть их к себе. Подобное – к подобному?

И теперь ему, Познавшему Тьму, срочно требовался совершенно новый план. План, где, в отличие от всех остальных, ему предстояло обойтись без громадной части своих заклинаний.

И не просто «обойтись», а создать новые. Принципиально новые. Позаимствовав кое-что у самого Неназываемого.

Хедин Познавший Тьму нужен там, за барьером. И он не сможет вырваться отсюда силой или же какими-то из привычных ему заклятий.

И Хедин Познавший Тьму нужен здесь.

Здесь, в царстве абсолютной тьмы и разрушения. На истинном Дне Миров, на их кладбище.

Ибо его долг – собрать все угодившие в эту ловушку души. Все до одной.

Значит, сказал он себе, предстоит совершить абсолютно, полностью небывалое.

* * *

Асгард Возрождённый словно бы и не замечал надвигающихся врагов. Его высокие врата были наглухо закрыты, но в остальном – никаких признаков, что крепость Старого Хрофта готовится к отпору. Нигде ни движения, ни шевеления.

Огненный смерч, которым сделалась Сигрлинн, катился впереди всего войска. Чародейка шла в атаку во главе строя, как и положено предводительнице вольной дружины, не отсиживавшейся за чужими спинами.

Первыми начали Ночные Всадницы. Откуда-то из их рядов вынесся первый огнешар, даже не огнешар, а словно выплеснутая из чаши струя пламени, вытягивающаяся в длинную нить.

Она точно ударила в верх стены над воротами; там немедля взвились яростно-алые языки, повалил дым.

Асгард не ответил.

За первой огненной атакой последовали другие, и вскоре уже пылал весь верх крепостных стен. Пламя вцепилось и в створки врат, протискивалось в мельчайшие щели, так, что вскоре горел уже весь контур створок.

Асгард молчал.

Огненный вихрь, в который обратилась Сигрлинн, первым устремился к воротам, когда створки их внезапно распахнулись, выхаркнув клубящееся пламя, посланное чуть раньше Ночными Всадницами.

Но волшебница была уже не той, что уступила огню своей собственной ученицы в последней битве на Хединсее. Ярящиеся жгучие языки раздались в стороны, размётанные тугим закрученным вихрем; и Сигрлинн была уже на пороге распахнувшихся врат Асгарда, когда крепость наконец ответила.

* * *

Хедин-наблюдающий вздрогнул. То, на что он взирал с некоторым интересом, уверенный в исходе и просто ожидавший, когда же те, кто скрывался за кулисами, наконец проявятся, – стремительно оборачивалось своей полной противоположностью.

Асгард извергал потоки силы. Невесть откуда налетевший жёсткий ветер сорвал клочья пламени с высоких стен, оставив там одну лишь копоть. По ветвям и листьям возвышающегося над крышами Иггдрасиля зазмеились голубоватые молнии – во множестве. Рядом с ним медленно поднималась исполинская спина чудовищного волка Фенрира; разожжённый пламенем Ночных Всадниц пожар угас, и даже Сигрлинн попятилась от разверстой пасти врат.

Четвёртый Источник щедро делился силой с новыми хозяевами.

Волк одним мягким прыжком перемахнул через стену. Упёрся в землю всеми четырьмя лапами, нагнул голову, зарычал. Оказавшиеся прямо против него Ночные Всадницы проворно рассыпались, рыцари Прекрасной Дамы сдвинули щиты, прикрывая многочисленных арбалетчиков.

Голубые молнии, струясь по ветвям Иггдрасиля, ринулись вверх, к облакам, слагаясь в огромный молот, словно сотканный из миллиона коротких грозовых росчерков.

Молот Тора.

Из ворот появилась окутанная плотным дымом фигура, серые клубы рвались с её плеч, словно диковинный плащ.

– Поворачивай назад, волшебница Сигрлинн. Здесь тебе нечего делать. Мир меняется, и Древние Боги обретают прежнюю власть. Я, Гулльвейг, Мать Ведьм, начавшая первую войну в Хьёрварде, пришла сюда, чтобы закончить последнюю.

Огненный вихрь не ответил. Рыцари проворно перестраивались, готовясь отразить бросок чудовищного волка; сама же Сигрлинн медленно начала приближаться к Гулльвейг, облачённой в вычурную чёрно-золотую броню.

– Я лишь глашатай, – поспешно объявила Мать Ведьм. – Меж мной и тобой нет распрей, чародейка Сигрлинн. Ибо я была задолго допрежь тебя и буду здесь по-прежнему, когда ты давно уже обратишься в пыль.

Огненный вихрь на сей раз не стал отмалчиваться. Бешено крутящаяся спираль внезапно развернулась, пламенный бич хлестнул по надменно подбоченившейся Гулльвейг.

Взметнулись клубы дыма, сшиблись с огненной плетью; Сигрлинн откатнулась назад, словно получив удар незримым тараном, но и Гулльвейг швырнуло об угол каменных врат, так, что застонала броня, от доспеха отлетел сорванный наплечник с погнутыми и частью обломанными остриями.

Мать Ведьм не удержалась на ногах, сползла вниз.

Сигрлинн вновь надвигалась на неё, медленно, словно прощупывая каждый шаг.

Взвился в воздух Фенрир.

Ночные Всадницы дружно вскинули огнетворные чаши.

Прямо перед волком в единый миг вспыхнула пламенная сеть, перекрывшая ему дорогу.

Фенрир влетел в неё мордой, завизжал, покатился по земле, отчаянно пытаясь сбросить жгучую ловушку.

Зависавший над золотыми крышами призрачный молот, сотканный из множество молний, сорвался с места, крутясь, обрушился на строй рыцарей Прекрасной Дамы; Сигрлинн, по-прежнему в облике огненного вихря, преградила ему дорогу, в единый миг оказавшись посреди строя своих.

Огонь и молнии сшиблись, в разные стороны рванулись потоки чёрно-рыжего пламени и ослепительно-голубых разрядов. Призрачный молот обратился в ничто, но и огненный вихрь почти что вбило в землю.

Почти что, но именно что «почти».

Земля впитала в себя молнии, молот расточился, как и не бывало; огненный вихрь, чуть более бледный, чем раньше, вновь упрямо двинулся к воротам.

Ночные Всадницы меж тем пытались окончательно опутать и спеленать Фенрира огненными сетями.

Рыцари рысью спешили за Сигрлинн.

Битва за Асгард разгоралась.

* * *

Он должен выбраться. Он должен выбраться.

Мысль повторялась, ходила по кругу, ударялась об один висок, отскакивала к другому и так без конца.

При том, что никаких висков у Познавшего Тьму сейчас и в помине не было.

Он притянул уже к себе множество душ, он внимал их шёпоту благодарности. Он почти не сомневался, что Неназываемый как-то воздействует на них тоже – взлёты и падения шёпота душ чередовались явно не хаотично, но извлечь смысл

из этого не удалось бы даже и самому Духу Познания.

Так или иначе – прочь отсюда. Уйти, оставаясь. Но делиться больше на странные и, если честно, пугающие своей... альтернативностью ипостаси Познавший Тьму не мог и не хотел.

Он должен был уйти отсюда таким, какой есть.

И таким же остаться.

Подобно тому, как он уже преодолевал непреодолимый, казалось бы, барьер, отправляя себя-действующего обратно в Упорядоченное.

Ничто, кроме неделимой души и сути его, Хедина, не смогло бы прорваться обратно. Тогда он использовал слепок, пустое место в пустоте, заполнил его как бы собой, но именно что как бы.

Теперь же мощь самого Неназываемого должна была помочь Познавшему Тьму создать собственного двойника.

Это – и ещё души.

Материальное гибло здесь, гибли сами время и пространство, уцелеть могло лишь невещественное, как души или его собственная суть, намертво сплавленная с имманентно присущей Великому Пределу силой.

И это невещественное, то живое, что вдохнуло в Хаос жизнь, Пламя Неуничтожимое, оставалось, оказывается, даже здесь, в пределах Неназываемого.

Но нельзя просто сказать своей сути – «перейди», чтобы она перешла. Нельзя, потому что двигаться здесь сознание Хедина вообще никуда не могло. Вещественность сброшена, но вместе с ней сброшено и то, что способно взаимодействовать с вещественным.

Облако душ, сгустившееся вокруг Познавшего Тьму, становилось его новым телом. Вернее, тем, что способно действовать здесь, где, кроме воли

Неназываемого и его же запасённой силы нет больше вообще ничего.

Но душами повелевала именно воля Хедина. На них она действовала сильнее, чем всеобщее разрушение, бывшее сутью Неназываемого.

Быть может, сам Познавший Тьму втайне надеялся, что здесь он встретит сознание. Сколь угодно чужое, но сознание. Надежда его как будто бы сбывалась, но объясниться с этой сутью, враждебной всему в Упорядоченном, Хедин не мог.

Шёпот душ, взмывающий и опадающий, накатывающийся волнами, – нет, не понять.

Вытягивающийся рукав из шепчущих, шепчущих, шепчущих душ. Сквозь сплошную тьму и то, что темнее тьмы. Он двигался и быстро, и медленно, и каждое его движение порождало изменения и там, с внешней стороны чёрной глобулы.

Душ становилось всё больше – приливные силы разрывали старые пути мёртвых, добычей водоворотов пустоты становились давно погибшие миры, миры, успевшие прожить миллиарды лет, откуда все, кто мог, ушли в Межреальность и дальше; души, волею случая оставшиеся пленниками своих миров, становились добычей Неназываемого... а потом оказывались подле Хедина.

Пламя Неунничтожимое, крошечные искорки его, что живут в каждой душе, сгущалось вокруг Нового Бога. Никогда доселе Хедин не видел ничего подобного – доселе души представляли неделимыми, пусть и способными «истаять», и только здесь, во чреве Неназываемого, он смог ощутить в них искры извечного Пламени.

Все мы дети Творца. В каждом из нас – Его частица. Его огонь. Ибо что есть Пламя Неунничтожимое, как не Он сам?!

Он никуда не ушёл. Он всегда был здесь, с нами и в нас.

В Пламени Неунничтожимом.

Не зря Дальние так радуют за сбор всего и вся...

Душ вокруг Хедина всё больше и больше. И вот он уже сам делает шаг туда, ближе к сердцу Неназываемого.

К сингулярности.

К точке, где утрачивают смысл понятия «пространства» и «времени».

К точке, изменить хоть что-то в непосредственной окрестности которой может только сам Неназываемый (сам в себе) – или он, Хедин, и искры Пламени Неуничтожимого, собранные им сейчас вокруг себя.

Он должен действовать, потому что ловушка рухнет скоро, совсем скоро. И все те, кто радостно дерётся сейчас за власть у него за спиной, ринутся... в Хаос, наверное? – умолять тамошних владык о... допустим... «свободном пропуске»? – если такое вообще может быть.

Но души – искорки Пламени – тянулись и тянулись «вперёд». А, может, вверх или вниз – здесь всё утрачивало смысл.

Ему, Хедину, требовался новый Хедин. Потому что никто, кроме него, не способен воплотить в жизнь эту часть Плана. Часть совершенно новую, только что измысленную, с кучей непроверенного, предположительного, возможного, вероятного...

Но и не только. Здесь Хедин может оттолкнуться только от Хедина, только от себя самого.

Ему уже удалось отделить и вытолкнуть отсюда часть себя, ту самую «действующую» ипостась.

Теперь предстояло куда более трудно – вытащить из логова Неназываемого вот эту, истинную суть Нового Бога Хедина.

Перенося свою суть в спасённые им души, создать своего двойника.

В каждую из искр Пламени он старался вложить себя. Отразить себя, словно в зеркале, вернее – во множестве зеркал, какими становились частицы Пламени Неунничтожимого.

Отпечаток в пустоте стремительно заполнялся.

Его воля столкнулась с железной предопределённостью властвующей здесь силы, что крушила в пыль и вообще в ничто само пространство и могла остановить время.

Она, эта воля, единственная могла дотянуться до места вне пределов чёрной глобулы. Так возникали козлоногие – пленные души, рабы Неназываемого.

Пламя Неунничтожимое плясало и танцевало вокруг. Души ликовали. Они обретали новый смысл, они продолжали бой.

Хедин чувствовал, что, коснись он сейчас той самой сингулярности, в Хаосе, а, быть может, и в том непредставимом континууме, откуда взялся Неназываемый, появится новое Упорядоченное. Или даже новый Хаос с новыми монадами, каковые в свой час дадут начало новым вселенным.

И так без конца.

Но дела призывали его обратно, в то Упорядоченное, которое он призван был защищать. И единственный выход – оставить здесь себя самого, не призрак, не тень, но его самого, во всём ему равного, ибо только так Хедин сможет оттолкнуться с достаточной силой. Он вырвется отсюда сам – и он оставит здесь себя. Себя, Хедина Познавшего Тьму, который исполнит тут свою часть Плана.

Они никогда не увидятся после этого.

Тот Хедин, что останется здесь, никогда не вернётся в привычное Упорядоченное, никогда не обнимет Сигрлинн, не выпьет пенного эля со Старым Хрофтом, не сыграет в тавлеи с Ракотом.

Но его может ждать... совершенно невероятное и невообразимое.

Души закружились в танце, искорки Пламени соединялись в причудливые цепочки.

И, когда Хедин ощутил себя почти воплощённым, воля его отдала команду.

Огонь. Огонь вокруг. Пламя Неуничтожимое вздымается огромной волной – тот, другой Хедин, Хедин сотворённый как отпечаток в пустоте, заполненной огнём Творца, медленно плывёт прочь, ещё глубже в бездну Неназываемого.

Что ждёт его?

Страшная гибель?

Иная участь?.. Победа над вечно голодным чудовищем?

А сам Хедин спустя миг увидел себя, по-прежнему, само собой, лишённого тела, вне глобулы и даже вне досягаемости её втягивающей всё силы.

Он не ощущал того, другого Хедина. Связь разорвана навсегда.

Что ж, теперь ему предстояло объединить Наблюдающего и Действующего. Ему, вырвавшемуся из пасти Неназываемого.

И возникнуть ровно на том месте, откуда он уходил – немолодым худощавым человеком в плаще, сосредоточенным и усталым – на краю священного Урда.

В путь, сказал себе Хедин.

Глава 2

Завтра наступило.

Сильвия провела ночь в знаменитом на половину Межреальности трактире Долины. Уже наслышанные о случившемся содержатель и вся прислуга низко

и подобострастно кланялись, уверяя в неизменной собственной преданности.

Наследница Арка благосклонно кивала в ответ, но спать легла в самой крайней комнатке, незаметно перетащив туда одеяло и подушку. Из остального она соорудила подобие спящей под покрывалами себя. Разумеется, не пожалела и сторожевых заклинаний.

Она ожидала нападения, мести, попытки покушения.

Не дождалась.

Слегка разочарованная, Сильвия спустилась в общую залу на рассвете.

Хозяин заметался вокруг, уверяя «драгоценнейшую госпожу Нагваль», что ей совершенно нет нужды утруждать свои очаровательные ножки ходьбой, и что всё будет доставлено по первому её слову куда ей только будет благоугодно; Сильвия только отмахнулась.

– Если так себя вели господин Трагне или господин Коппер, ещё не значит, что я стану поступать так же. Я не собираюсь ни от кого прятаться или запираяться. Если мы делаем одно дело, все должны знать, что я...

– Что ты? – перебил резкий и сильный голос, глухой, словно прибой, разбивающийся на серых северных скалах.

Целитель Динтра стоял перед ней. В новых роскошных одеяниях, ниспадавших до земли, где на тёмно-зелёном шёлке распускали крылья огненные птицы. Целитель опирался на простой чёрный посох, даже без навершия, на первый взгляд – самая обычная палка.

Трактирный содержатель – бочком-бочком – выбрался из общей залы. Следом за ним кинулись повара и прочая обслуга. На улице кто-то завопил, требуя немедля доставить пожарные бочки «и известить погодников!».

– Милостивый государь Динтра, – медленно проговорила Сильвия. Её ожидали роскошные наряды, сработанные за ночь мастерицами Долины (разумеется, при помощи магии), – но она облачилась в свою старую одежду, местами

прожжённую, местами залатанную.

– Сильвия Нагваль, – прежним густым голосом отозвался целитель.

Он не боялся. Нисколько. Ни её саму, ни Хаоса в её крови, который, бесспорно, чувствовал.

Сильвия не могла понять, как себя держать.

– Что желает поведать мне достойный целитель? – наконец решилась она.

– Империя, значит, – усмехнувшись, вдруг ни с того, ни с сего проговорил тот.

Да, мелькнуло у Сильвии, этот времени даром не теряет. Сразу к делу.

В окнах залы появились напряжённые лица. Маги и не только они, другие обитатели долины, кто, подобно Аглае Стевенхорст, не обладал магическими способностями, но трудился на многочисленных работах, удовлетворяя капризы господ чародеев.

– Послушай меня, девочка. Как забавляются наши волшебники, мне, в общем, дела нет; но только пока от них нет ущерба остальным. Коль таковой появится, я этому свершиться не дам. Всё поняла? Если ты поведёшь здешних чародеев жечь и убивать безо всякой цели и смысла, просто чтобы набить их кофры золотом...

– То сперва мне придётся переступить через тебя, старик? – звонко осведомилась Сильвия. – Это, поверь, мне будет совсем не трудно.

На вызов, брошенный ей, наследница Красного Арка привыкла отвечать немедленно.

Однако Динтра лишь пожал плечами, повернулся и зашагал к выходу.

Лица в окнах как ветром сдуло.

Наверное, мелькнуло у Сильвии, самым умным было бы тоже напоказ пожать плечами и, презрительно бросив что-то вроде «совсем старик из ума выжил... жаль, жаль, а ведь такой лекарь был! Бедные его пациенты...» – невозмутимо отправиться по своим делам.

Но дочь Хозяина Смертного Ливня не была б сама собою, если бы не понимала – кожей и всем нутром, что сейчас нужно драться. Что на зрителей её блеф не подействует; что в Долине привыкшие к роскошной и ленивой жизни чародеи уважают силу, только силу и ничего, кроме силы.

Каковую силу ей сейчас и предстояло явить.

Иначе её никто не станет слушаться. А станут лишь посмеиваться у неё за спиной.

Щёки Сильвии пылали, она бросилась следом за целителем... но каким-то образом двери захлопнулись у неё прямо перед носом так, что она врезалась в них лбом, аж искры из глаз.

Зарычала, пинком распахнула створки, кинулась следом – Динтра издевательски-медленно удалялся от трактира.

Изо всех сил пытаюсь сохранить достойный и невозмутимый вид, Сильвия бросилась следом.

...Она нагнала его, лишь когда сам городок остался позади. Старый целитель вроде как едва-едва переставлял ноги, тяжело опираясь на чёрный посох, шаркал, останавливался передохнуть – но почти бежавшая за ним Сильвия никак не могла сократить расстояние.

А потом он вдруг остановился, обернулся и посмотрел ей прямо в глаза.

Просились слова навроде «отсюда уйдёт только один из нас», но во взгляде странного целителя крылось нечто совершенно иное.

Холодный и невозмутимый интерес, словно Сильвия, несмотря на всю силу, была каким-то редкостным и притом уродливым насекомым.

– Я никого не хочу убивать. – Грудь Сильвии бурно вздымалась, она не могла понять, отчего так задыхается. – Но, если ты отказываешься повиноваться...

Вместо ответа целитель молча шагнул к ней.

И преобразился.

Сложнейшая и тщательнейшим образом наведённая иллюзия исчезла.

Вместо пожилого, тучного, одышливого лекаря с большим пузом и рыхлыми руками Сильвии предстал седой, как лунь, воин в чёрной броне. Лицо – худое, со впалыми щеками и глубокими глазами – иссекали бесчисленные шрамы. Воронёные доспехи маслянисто поблескивали; ничего лишнего, никаких красотостей. Чёрный посох обернулся полтораручным мечом с необычно длинной рукоятью.

Холодное, жёсткое лицо воина в чёрной броне казалось смутно, неуловимо знакомым – но где, когда, при каких обстоятельствах она могла с ним столкнуться?.. Нет, не вспомнить прямо сейчас.

Сильвия попятилась.

Она была дочерью Хозяина Ливня, потомственным магом, знала, почём фунт лиха, но никогда не встречала никого, подобного этому воину. Во взгляде незнакомца она читала сейчас силу, какую дают только прожитые века – не десятилетия.

– Кто ты? – только и смогла проговорить последняя из Красного Арка.

Лицо незнакомца не дрогнуло. Вместо ответа он сделал лишь одно короткое, скупое, неразличимое движение, и его длинный клинок с шипением рассёк воздух.

Сильвию выручил Хаос. Воздух перед ней вспыхнул, языки пламени норовили вцепиться в сталь, но лишь соприкоснувшись с ней, опали наземь бессильными чёрными хлопьями, словно сгоревшая бумага.

То, что он промахнулся первый раз, воина ничуть не обескуражило. Он продолжил длинным выпадом, чуть задержавшись в самом конце, словно желая видеть, на что Сильвия сейчас способна.

Она вновь успела уклониться.

Невольно ей вдруг вспомнилась приснопамятная дуэль с чародейкой Кларой Хюммель, но тогда в её руках был отцовский фламберг...

Сейчас оружие ей заменяла магия, и Сильвия ответила целой чередой заклятий – обезоруживающих, связывающих, удушающих.

Воин поставил щит одним небрежным мановением руки, отводя чары от себя. Каждое отбитое заклинание отзывалась в груди Сильвии болью, словно острый птичий клюв всякий раз вонзался ей во внутренности.

Кто он такой?!

Меч прынул ей в лицо, ослепляя внезапным блеском.

Простой удар чистой силой отшиб клинок в сторону. Воин чуть заметно усмехнулся.

Ах так?!

Сильвия дала Хаосу в крови чуть больше воли. Совсем чуть-чуть, как ей казалось, но и этого оказалось достаточно, чтобы ощутить себя всемогущей. Кровь, огонь, смерть, разрушение – о да, она хочет, хочет всего этого, жаждет, алчет!

Свист клинка. Тенета пламени, соткавшиеся вокруг Сильвии, с сухим хрустом раздались в стороны, словно разрубленная ткань.

Она едва успела отскочить. Едва-едва.

Воин, напротив, шагнул вперёд, замахнулся вновь.

Сильвия только и могла, что уклоняться и уворачиваться, причём лишь в последнее мгновение. Ей везло, но сколько ещё продлится такое везение?!

И всё-таки она не сдавалась. Её не могли одолеть так быстро, победить так играючи!

Хаос вновь тёк с её пальцев, свивался в тугие вихри, устремляясь вперёд, ревностно готовый служить хозяйке, готовый выискивать и жечь магические ловушки, сторожевые чары, всё то, что не могло не охранять сейчас незнакомца.

Со свистом, крест-накрест рубанул перед воином его меч.

Посланная вперёд волна Хаоса поспешно отхлынула. Нет, нет, с этим ей не справиться!..

Сильвия зарычала. Нет, она не уступит!

Теперь уже она ощущала себя, как, наверное, чувствовала Эвис Эмплада в совсем недавней стычке с ней, Сильвией. Бессильная злость, растерянность, недоумение...

Дочь Красного Арка атаковала, вкладывая в истребительные чары всю ярость, на какую была способна. Этот неведомый вражина не встанет меж нею и её целью! Никогда!

Воин в чёрном отбил и их, но уже не без труда. Из носа его побежала вниз тонкая струйка крови.

Однако усмехался он по-прежнему.

Его меч-бастард, который он держал двумя руками, с шипением рассекал воздух, а вместе с ним – и чары Сильвии, обращая их в ничто. Воин был разом и чародеем, и мечником, пользуясь и сталью и заклинаниями с равной ловкостью.

Сильвия пятилась. Она знала, что может зацепить врага, она отчаянно пыталась это сделать... но самое большее, чего добились её самые жуткие и действенные

заклятия – это тонкие струйки скапливавшейся в седых усах её противника тёмной крови.

Наконец воину в чёрной броне это всё, похоже, надоело.

Очередной взмах клинка, шелест стали возле самой щеки Сильвии, острая боль от лопающихся чар, вой Хаоса, его отчаянная попытка отклонить железо, спасти свою носительницу, сохранить...

Сталь рассекла остатки чёрно-рыжего пламени Хаоса, так и не защитившего свою хозяйку; острие упёрлось в горло Сильвии. Нога в тяжёлом сапоге, окованном воронёным металлом, подсекла ей колени, и наследница Красного Арка плюхнулась на пятую точку.

Воин тотчас придавил её ступнёй, прижимая лопатками к земле. Остриё меча укололо кожу, появилась капелька ярко-ярко алой крови.

Крови, пропитанной Хаосом.

Воин шмыгнул носом, избавляясь от сгустков сукровицы, в упор воззрился на Сильвию.

– И ты решила, что будешь властвовать в Долине? Обратишь её в оружие Хаоса?

Сильвию душили злые слёзы. Как же так? Почему? Она же победила всех, включая Мескотт, Трагне, Эмпладу! Одолела всех! А тут её... как девчонку...

– Отвечай, – холодно сказал воин.

– Я... – прохрипела Сильвия, – я... хотела... власти.

– Из молодых, да ранняя, – заметил воин. – Власти для кого? Для Хаоса?

– Хаос... ничто... мой... раб... моё... оружие...

– Хаос подчинит и сломит любого, кроме самых лишь сильных, – невозмутимо парировал воин. – Считать, что ты управляешь им, – или невероятная глупость, или невероятная самоуверенность, что есть та же глупость. Так зачем тебе тогда жить? Зачем ждать, пока ты окончательно не превратишься в его человекоорудие?

По щекам Сильвии текли слёзы, постыдные и беспомощные.

– Хватит... кончай... не издевайся... просто добей...

– Когда будет «хватит», я решу сам, – усмехнулся воин ей в глаза. – Отвечай на вопросы, Сильвия Нагваль. Где ты... заполучила это?

– Можно я... встану? Обещаю, я... расскажу всё...

– Нашла дурака, – ровным голосом сообщил её пленитель. – Я слишком долго живу, девочка, чтобы попадаться на подобное. Да, и раздеваться тоже не нужно. На меня это не подействует.

Сильвия закусила губу. Этот гад проклятый, похоже, читал её мысли.

– Слухи о сластолюбии целителя Динтры совсем не значат, что я подвержен тем же слабостям, девочка. Поэтому ты будешь говорить так, как есть. И поживее.

Задыхаясь от бессильной ярости, Сильвия принялась пересказывать свои приключения. Воин не прерывал, лишь изредка бросая «короче!».

– То есть ты прошла через области, где Хаос насочился сквозь барьеры, – подытожил он, когда Сильвия наконец умолкла, облизывая пересохшие губы. – И он овладел тобой. Полагаю, больших усилий от него это не потребовало. Что с тобой творилось при этом?

– Кошмары...

– Какие именно?

Сильвия рассказала.

– И ты решила, что уж теперь-то ты точно сделаешься королевой Долины? С новыми силами и новым другом? Другом-Хаосом?

Сильвия прикусила губу и молча кивнула – боялась разрыдаться совсем уж постыдно.

– Хорошо, – сказал воин, помолчав. – Хаос в тебе очень, очень силён, но... убивать тебя немедля я не стану.

– Спасибо и на том, – выдавила Сильвия.

– Ты, значит, хочешь вести магов Долины в бой? – усмехаясь, осведомился воин. – Дело хорошее. Засиделись они тут, что и говорить. Вот только поведёшь ты их не куда твоя левая пятка пожелает, а куда нужно. Всё поняла?

Сильвия поспешно кивнула. Соглашайся на всё, соглашайся, ударить в спину успеешь, когда удастся хотя бы встать на ноги.

Воин в чёрном продолжал усмехаться.

– Думаешь, что ударить в спину мне ты успеешь после? Наивная. Впрочем, верь, если тебе так легче. Сейчас я тебя отпускаю. Строй свою армию. – Последнее слово он произнёс с нескрываемым отвращением. – Можешь даже начать тут править. Только помни, что я всегда смогу найти тебя и убить. Без долгих разговоров. – Он слегка отвёл меч от её горла. – Так что советую подумать, так ли уж силён твой прославленный Хаос. Особенно здесь, в сердце Упорядоченного. Всё ли ты поняла, Нагваль?..

Сильвия молча кивнула.

– Я тебя запомнил, ещё когда ты только появилась здесь. Когда Игнациус отправил тебя с некоторым поручением. Поручение ты не выполнила, но сейчас это и не важно. Ты – девчонка бедовая и боевая, из тебя вышел бы толк... кабы не столько мусора в голове. Посмотрим, как себя покажешь. Может, ты и не совсем безнадежна...

И, повернувшись, воин в чёрной броне зашагал прочь, совершенно не опасаясь за незащищённую – во всяком случае, на первый взгляд – спину.

Сильвия осталась лежать, как лежала, лишь молча глядя вслед целителю Динтре.

Но всё равно пропустила момент, когда иллюзия вернулась, и обратно в Долину вновь вошёл полный, одышливый, старый и хорошо знакомый всем волшебник и всеми же уважаемый лекарь.

Сильвия кое-как привела себя в порядок. Склонилась над журчащим ручьём – они все текли здесь с гор к центральному озеру – и принялась было умываться.

Но при виде собственной зарёванной физиономии её охватила такая ярость, что она с размаху залепила себе звонкую, обжигающую пощёчину, а потом ещё и ещё.

Дура! Дура! Дура! Самонадеянная девчонка! Ну конечно, тут, в Долине, не могло не сыскаться вот таких, скрытых под личинами, слуг великих сил, правящих Упорядоченным! Ну конечно, силы бы эти никогда не оставили без присмотра такое гнездо достаточно сильных, независимых, никому – во всяком случае, открыто – не подчиняющихся чародеев!

А она ринулась напрямик в осиное гнездо, решила, что Архимаг – её единственный достойный соперник!

Дура, дура, слепая курица!..

И она вновь вlepила себе пощёчину.

Честное слово, окажись здесь дед с его розгами, сама б попросила её выпороть. Потому что заслужила.

Впрочем, с другой стороны, открытый враг – это уже полврага, если не четверть. Она заставила этого «Динтру» – кто знает, какое у него настоящее имя! – явить себя, действовать. Она получила бесценные сведения.

Тьфу! Брось! Хватит себя утешать, дурёха! Динтра этот и впрямь может убить тебя, и Хаос с ним так запросто не справится. Да и гоблины, даже собери всю её армию в один кулак, не справятся тоже.

Значит, надо являть покорность, готовность повиноваться и выполнять приказы. Смотреть вниз, не поднимать глаз, отвечать тихо и почтительно. За лекарем Динтрой ходила слава любителя молоденьких девиц... и, хотя Динтра-подлинный от всего этого отпёрся, кто знает, вдруг дыма-то и впрямь без огня не бывает?.. Может, старое, доброе и верное, как смерть, средство сработает и тут? В конце концов, воин был, хоть и сед, но высок, статен, силён, а в глазах – та истинно мужская жёсткость, если не жестокость, что Сильвия ощущала безошибочно.

И которая так притягивает.

Кто знает, кто знает... Может, всё-таки она даже и не совсем дура.

Её войну хотят направить куда нужно великим силам? Что ж, нет ничего плохого в том, чтобы сыграть на руку кому-то могущественному, если она при этом достигнет своих собственных целей. Нет ничего плохого в том, чтобы сделаться полезной, а ещё лучше – незаменимой. Незаменимой в большом, в «главном», по сравнению с которым её собственные маленькие победы потеряются, исчезнут, будут сочтены не стоящими внимания шалостями полезной и хорошей девочки.

Поспешай медленно.

Красный Арк поторопился и заплатил страшную цену. И Радуга поторопилась тоже.

Она, Сильвия Нагваль, торопиться не будет.

Она станет чётко и добросовестно выполнять обещанное. Например, обещанное гоблинам. Правда, их желания в отношении госпожи Мескотт отличались, гм, некоторым животным началом, но что взять с простых душой метельщиков и золотарей? Пожалуй, в этом им тоже можно уступить. А вот что касается всего остального...

В Долине должен быть порядок. Железный порядок. И маги должны быть довольны и счастливы. А для этого нужны победы. И уж конечно, то, что она планировала для Ирэн, никак не должно было выглядеть как наказание или её, Сильвии, злая воля. Несчастный случай, не более того.

Она упрямо вздёрнула подбородок.

«Я не отступлю и не поверну назад, ни за что. Если кого-то можно купить за золото, я сделаю это. Если кого-то можно купить за моё тело, неважно, какого он пола, я сделаю это. Если кого-то можно купить за славу и победы, я это тоже сделаю.

И воин в чёрном, истинный Динтра, должен быть доволен тоже. Его я куплю за свои покорность, исполнительность и полезность. О, как я буду ему полезна!..»

Ободрившись и несколько воспрянув духом, Сильвия направилась назад. Ей и впрямь пора заняться делами. В конце концов, она совершенно законно избранная правительница Долины, глава её Совета!..

«Нет, подруга, всё не так страшно и ужасно. Оплеухи ты, конечно, заработала, но ничего, главное – сделать верные выводы».

А теперь назад, и за дело, за дело!

* * *

Обратно в трактир Сильвия вошла твёрдым шагом, с высоко поднятой головой и победительным взглядом.

– Госпожа Нагваль? – подлетел содержатель. – Какие будут приказания?

– Горячая ванна, – надменно уронила Сильвия. – И вторая, холодная. Моя одежда, должны были доставить. И где остальной Совет? Они должны были собраться за час до полудня.

– Они уже присылали, – угодливо зачастил трактирщик. – Господин Джиакомо приходили, беспокоились весьма. И госпожа Джессика Бенбоу. И господин Сеферард Молинаэ. И госпожа Джулия Эстерри тоже посыльного пригнали, сильно беспокоились, не гневаетесь ли вы на неё. Сама-то она недужна, лежит, целители над ней колдуют...

– Прекрасно, – холодно бросила Сильвия. – Скажите всем, что буду, как только смогу. Сегодня Совет будет поистине историческим.

– Вне всякого сомнения, дорогая госпожа Нагваль, вне всякого сомнения!..

«Этот человек уже мой», – с лёгким презрением подумала Сильвия. – «Ему-то хороша любая власть, лишь бы не трогала. А подати он платить согласен. Слишком труслив, чтобы восставать. Тихая здесь у него была жизнь, слишком тихая. Есть чего терять».

Горячая вода, а затем сразу холодная. Скрипя зубами, Сильвия повторила процедуру несколько раз, вылезла, докрасна растёрлась жёстким полотенцем. Голова ясная, чувства и эмоции спрятаны глубоко под замок, обида и горечь – дальше всех.

Теперь наряды.

Отвергнув несколько роскошных платьев – одно облегающее, другое с пышными юбками и третье «колоколом» – Сильвия облачилась в короткие бриджи чуть ниже колен, мягкие сапожки и бежевую куртку, отделанную коричневым витым шнуром на обшлагах и вокруг петель. Маги Долины слишком увлекались тряпками, по её мнению, но ломать их через колено с самого начала отнюдь не стоило.

Совет Долины доставил и всевозможнейшее церемониальное оружие, но на груди вычурных клинков с гардами, перемигивающимися алыми, синими и зелёными огоньками, Сильвия даже не посмотрела.

Хаос подвёл её. Правда, пока только один раз, но слабость свою обнаружил. Конечно, она имела в арсенале и многое другое, но...

Она побеждала, вооружённая отцовским фламбергом.

Побеждала и заплучив, хоть и не по собственной воле, Хаос себе в кровь.

Однако вся эта сила – чужая. И в решающий момент, например, Хаос подвёл, а фламберга нет и вовсе.

Что ж, урок. Она не будет торопиться. В конце концов, главное сейчас – показать магам Долины, что она может воевать, побеждать и что в Долину хлынут богатства.

Если для этого надо взять те миры, на которые укажет Динтра, – что ж, она их возьмёт. Попутно прихватив всё остальное, что плохо лежит.

Потом прихватит и то, что лежит хорошо.

* * *

Сегодня в здании Совета Долины, в «ратуше», как называла это здание Клара Хюммель, народу собралось немного.

Избранные Гильдиями маги проводили заседание без зрителей.

Такое случалось. Не часто, но случалось. Особенно когда надо было обсудить какие-то детали. Вообще-то традиция Долины требовала открытых Советов, и правило это соблюдалось; Сильвия не хотела его нарушать, но сегодня требовались чёткость и слаженность, а не бесконечные крики со спорами.

Амфитеатр заполнялся, и заполнялся быстро.

Явился семьдесят один член Совета. Семьдесят один, потому что госпожа Мескотт и господин Трагне, как объявил с трагическим лицом толстяк Джаакомо, поведали высокому собранию письменно, что, по тяжкому состоянию здоровья, более не могут выполнять никакую роль в Совете, даже быть простыми его членами.

От Гильдии Боевых Магов пришла Эвис Эмплада, мрачная и насупленная, словно на похоронах.

От Гильдии Темпестатистов, сиречь Управляющих Погодой, явились девятеро.

От Гильдии Целителей, самой крупной в Долине – девятнадцать.

От Гильдии Зодчих – семеро.

От Гильдии Гербологов – семеро.

От Гильдии Анималистов – тоже семеро.

От Гильдии Менторов – пятеро.

От Гильдии Амплионеров, «улучшателей земли» – пятеро.

От Гильдии Иллюзионистов – трое.

От Гильдии Алхимиков – трое.

От Гильдии Парфюмеров – трое. Да, магические ароматы и притирания пользовались, скажем так, немалым спросом.

От Гильдии Запретного Знания – один.

И, напоследок, от Гильдии Хронистов – тоже один.

Семьдесят один человек. Или, вернее сказать, семьдесят один Маг Долины.

Они собрались, чтобы решить её судьбу.

Джиакомо, отдуваясь, немедленно занял кафедру и принялся руководить:

– Господа погодники! Вы, да, вы, поближе, пожалуйста. Вас никто не покусает. Госпожа Креверт, Тамми, милочка, я понимаю, что Гильдия Парфюмеров всегда избирает своей главою самую соблазнительно выглядящую чародейку, но, прошу вас, когда носите такой разрез, не закидывайте ногу на ногу. Не то чтобы я был бы против, но это, увы, отвлекает ваших почтенных коллег. Госпожа Бенбоу, Джессика, дорогая, прошу, сюда, сюда. Целители по праву у нас в первых рядах...

Двое юных пажей в лихо заломленных беретах с полосатыми перьями и мундирчиках с галунами распахнули перед Сильвией двустворчатые двери. До полудня оставался ровно час, и огромные часы внизу, в общем зале, гулко начали отбивать свои одиннадцать ударов.

Совет Долины дружно поднялся.

Встали все, даже те, кто – знала Сильвия – приходились Ирэн или Эрреасу близкими друзьями.

Сильвия усмехнулась про себя.

Насколько же они были сильнее, тогда, в своей Радуге. Но Император не покорился всё равно; так неужто же она уступит этим слабакам, умеющим составлять головоломные заклинания, но совершенно лишённым храбрости?

За исключением, конечно, Боевых Магов. Но сколько их? – горстка. И они слишком уповают на свои чары. С ними Хаос, как показал опыт, справиться может играючи.

Достаточно дать им дело, весёлое дело, лихое дело, вытащить из забвения и бедности – разумеется, весьма относительной, бедности по меркам Долины, вернуть им гордость, статус – и они станут её самыми верными сторонниками.

– Госпожа Нагваль, – поклонился Джаакомо, уступая ей кафедру. – Вы необычайно точны.

– Точность – вежливость правителей, – улыбнулась она в ответ. И взошла на кафедру, спокойная, невозмутимая, словно и не валялась только что

на спине, а у самого горла не застывало острие меча.

– Господа Совет! Спасибо, что откликнулись на моё приглашение. Это моё первое заседание в качестве его главы; и я думаю, что прежде всего нам нужен тот, кто станет мне помогать. Господин Джаакомо Семпри уже взял на себя сей нелёгкий труд. Думаю, это нам и следует утвердить. Возражения?.. Отлично. Принято единогласно. Приятно видеть столь редкостное единство мнений; полагаю, мы сможем двигаться вперёд очень быстро. Тем более, что я – не любительница и не мастерица долгих речей.

Она перевела дух. Смотрели на неё смутно, недовольно, с недобрым ожиданием. Конечно, здесь-то сейчас собрались те, кому и так хорошо, у кого кофры и без того полны, кроме, разумеется, Эвис.

– Я обещала Долине кое-что и не отступлю от своих обещаний, – легко, с улыбкой сказала Сильвия. – Но не надо страшиться, что от вас потребуются какие-то огромные жертвы и лишения. Мой девиз – добровольность. Уже направляясь сюда, я составила план кампании. Смотрите!

Она плавно повела рукой, и свет в зале померк, прямо в середине свободного пространства появилась карта окрестностей Долины.

– Джерто. Обычный, заурядный мирок, откуда, кстати, к нам прибилось немало арендаторов и гоблинов, о коих я ещё скажу. Мирок, настолько к нам близкий, что никому и в голову не приходило обратить на него внимание. Я обратила.

Меж магов пронёсся лёгкий шёпот.

Сильвия невозмутимо продолжала:

– Он малонаселён и беден. Однако беден лишь потому, что там нет настоящей власти. Нашей власти, я имею в виду. Короли там – просто вчерашние бандиты, которые даже грабить подданных-то не умеют. Вместо того, чтобы дать овцам обрасти и лишь потом стричь, они их просто режут. Ничего удивительного, что время от времени народ там поднимает восстания, жгут всё, до чего могут дотянуться, и убивают всех, до кого тоже могут дотянуться. После подобных мятежей там половина страны лежит в развалинах, люди умирают от голода, матери продают детей, ну, короче, вы не раз подобное видели.

И, хотя Джерто обширен, настоящих королевств там всего пять, остальное – дикие земли. Пять королевств, пять правителей. Вот здесь, – над столом возникла карта уже самого мира, – их столицы: здесь, здесь, здесь и здесь. Как видите, на самых плодородных землях и, в общем, не так чтобы далеко друг от друга. Мы накроем их все разом. И здесь нам не обойтись без наших дорогих коллег из Гильдии Боевых Магов...

Все разом обернулись, упираясь взглядами в Эвис Эмпладу.

Та хрипло откашлялась.

– Совет Долины хочет, чтобы мы убивали невинных?

Сильвия чуть склонила голову. Эплада, разумеется, бесщётное число раз сражалась как самая обычная наёмница, за деньги, и не заморачивалась никакими «невинными». Новоиспечённая глава Гильдии Боевых Магов просто показывала норов.

Собрание испуганно притихло.

Дочь Хозяина Ливня приняла вызов.

– Никаких невинных убивать тебе не придётся, Эвис. Только королей. Жадных, глупых и злых. У которых народ мрёт тысячами, только один младенец из пяти доживает до года, а голод в их владениях – обычное дело. Вспомни, о чём я говорила, – нет никакой нужды разорять пахаря или грабить ремесленника. Достаточно... устранить тех кровопийц, что не дают народу выбиться из жуткой нищеты, и простой люд будет носить тебя на руках.

– Мне нужны доказательства, – бросила Эвис.

– Разумеется. Все доказательства будут явлены на месте. Однако я дерзну напомнить, как славная и справедливая Гильдия Боевых Магов взялась за заказ господина Эрреаса Трагне, дабы обезопасить купленные им поместья; уверена ли ты, Эвис, что при этом не погибло ни одного невинного?

Нет, Джаакомо Сепри положительно может быть полезен. Хотя бы как источник всякого рода подробностей.

Удар попал в цель – Эмплада не отвечала. Правда, и глаз не опускала тоже, глядела Сильвии в лицо с каким-то очень нехорошим прищуром.

– Мы же не собираемся наводить на мирные города и деревни орды варваров, – продолжала Сильвия, чуть добавив в голос льда. – Нам не нужны огромные армии. Достаточно нескольких небольших групп. Боевые маги, Целители, Погодники – в первую очередь. Но найдётся место и магам из Гильдии Запретного Знания, Гербологам, Анималистам. Зодчим. Даже Парфюмерам. – Она кинула быстрый взгляд на поправлявшую причёску хорошенькую Тамми Креверт. Добрая половина мужчин в зале откровенно пялилась на её подвязки и кружева чулок, дерзко выставленные в разрезе длинного мягкого платья.

– Мы покончим со злыми и глупыми королями, жадными нобилями, развращёнными жрецами. Вместо них будут управители, назначаемые Долиной. И, само собой, у нас имеется достаточно средств, дабы выяснить, правдивы ли отчёты оных управителей и не слишком ли много прилипает к их загребушим рукам. Кому-то из досточтимых наших магов, возможно, придётся провести там некоторое время; тут потребуются и Зодчие, и все прочие, дабы пребывание их там проходило в наивозможнейшем комфорте.

Жизнь простого народа, пахаря, рудокопа, кузнеца, шорника, портного или скорняка – облегчится многократно. Нам достаточно лишь упорядочить подати, и люди станут целовать пыль у нас под ногами.

Одна из целительниц постарше и посмелее выразительно кашлянула.

– Спрашивайте, госпожа де Френье.

Нет, не зря она учила наизусть, кто есть кто в Совете!..

Русые волосы целительницы были уложены в сложную волнистую причёску, платье цвета морской волны без намёка на декольте, платина и мифрил браслетов.

– Прошу прощения, госпожа Нагваль. Но какая нам всё-таки польза от этого мира?

– Прекрасный вопрос, госпожа де Френье. – Сильвия улыбалась. – Этот мир станет нашим первым владением. Потратим некоторое количество сил и времени, проложим туда удобные тракты через Межреальность. Как только мы наведем там порядок, в Долину оттуда пойдёт товар пусть простой, но тоже необходимый – лес, камень, мрамор, зерно, рыба. Смотрите сами: устранив королей и наведя хоть какой-то порядок, мы в благодарность получим столько, что сподоби нас силы великие всё это переварить.

Больше того – по Межреальности пойдут слухи об этом мире. О мире, куда явились великие чародеи откуда-то извне и установили свои порядки, честные, справедливые. Вы сами увидите, госпожа де Френье, как один мир за другим станут открывать нам ворота, предварительно развесив на них своих воров-королей, и усыпать цветами пред вами улицы.

Ещё вопросы, госпожа де Френье?

Целительница приоткрыла было рот, но, столкнувшись с ледяным взглядом Сильвии, тут же его и закрыла.

– Нам нужно всего около пяти десятков магов, – продолжала Сильвия самым деловым тоном. – Я надеюсь, Эвис, на представляемую тобой здесь Гильдию. Думаю, мы найдём способ... достойно вознаградить ваши усилия.

– Что мы должны сделать? – Взгляд Эвис резал, словно нож, она даже не пыталась скрыть неприязни, переходящей в ненависть.

– Вы? О, разве это не очевидно? Нужен десяток Боевых Магов, по двое на отряд. Они их возглавят. В один день, одновременно, они нанесут удар. Короли будут устранены. При этом будет объявлено, что отныне здесь хозяева – маги Долины. После чего надо будет немедля повестить наших новых подданных об отмене многих idiotских законов, вроде права первой ночи и так далее.

Все детали я напишу. И оглашу сама. На главных площадях.

– Моя Гильдия сделает это, только если такова будет воля Совета! – зло бросила Эвис.

– Безусловно. Долина – это не тирания. Воля Совета превыше всего. Её не нарушал господин Трагне, её чтит мессир Архимаг, и уж конечно, буду чтить я. Надеюсь убедить, а не заставить. Заставить легко. Убедить куда труднее.

Сильвия перевела дух.

– Итак, господа Совет. Предлагаю следующий список податей, отменяемых немедленно – на дым, на окна, на помол муки...

Она говорила долго. Останавливалась, отвечала на вопросы. Уточняла. Спрашивала сама. Показывала карты с намеченными там дорогами, портами, рудниками и даже морскими фермами. Живописала поток благ, что обрушится на Долину, словно из корнукопии.

Охрипла. И чувствовала себя аж до отвращения хорошей.

Спасибо деду, розгами небезуспешно вколачивавшему внучке азы хозяйствования. Спасибо библиотеке Академии, где Сильвия просиживала долгие часы, ещё до того, как приняла Хаос в собственные жилы – как только поняла, чего хочет добиться.

Совет решал недолго.

Экспедиция в мир Джерто была решена семьюдесятью голосами «за» при лишь одном воздержавшемся. Вернее, воздержавшейся – Эвис Эмплада.

Сильвия объявила, что свой голос она удержит при себе.

– Завтра прошу всех собраться вновь – в это же время. Надо прекратить гоблинские... волнения.

Волшебники и волшебницы вставали с мест, парами и тройками направлялись к выходам.

- Эвис! – окликнула Сильвия Эмпладу, что первой ринулась прочь.

Молодая чародейка нехотя остановилась. Она явилась в Совет одетой для боя и похода, при оружии, наплевав на традиции и приличия.

- Что вам угодно, госпожа Нагваль, досточтимый распорядитель Совета?

- Совет решил. С подавляющим перевесом, – спокойно сказала Сильвия, хотя внутри клокотал и ярился Хаос, в бешенстве от оказанного его носительнице – а значит, и ему самому – неуважения. – Пора выполнять обещанное.

Глаза Эвис метали молнии, рот скривился.

- Я подчинюсь решению Совета, – наконец выдавила она.

- Ни мгновения не сомневалась, – улыбнулась Сильвия. – Нам нужно десяток твоих магов. Сумеешь? Наберётся?..

- Десяток наберётся, – мрачно проворчала Эвис. – Я сама. Эгмонт, Мелвилл, само собой. Ренне, наверняка. Ильтанар. Алтос. Это уже шестеро.

- Для верности нужно всё же по двое на отряд, – мягко заметила Сильвия.

- Для верности... – Эмплада скривилась.

- И быстроты, – продолжала Сильвия. – Один удар, один укол – и всё. Чтобы никто б не пострадал, кроме нескольких негодяев.

- А дети? – хмуро осведомилась Эвис. – Королевские семьи? Принцы и принцессы? Братья и сёстры? Они тоже негодяи? Их тоже под корень?

Сильвия покачала головой.

- Ты всегда отличалась подобной разборчивостью, Эвис?

– Ты, госпожа распорядитель Совета, говоришь так, словно тебе сто лет!

– Я не виновата, что ты так и не повзрослела. Хотя старше меня раз в десять. Или в пятнадцать.

– Р-р-р! – вырвалось у Эвис. – Не увиливай, госпожа распорядитель! Так что с детьми?

Эвис была очень, очень зла. И ещё она не боялась.

«Ясное дело, – думала Сильвия, – что плевать ты хотела, Эмплада, на всех детей Упорядоченного, вместе взятых. Просто я тебе не нравлюсь, вот и всё».

– Никто не посылает тебя убивать детей, – медленно сказала Сильвия. – Хотя я видела их смерти во множестве. Мельин был жестоким миром. Я хочу, чтобы на Джерто жизнь стала лучше. И она станет. А принцы и принцессы... я думаю, мы сумеем им объяснить, что свершившееся – суровая необходимость.

– Объясним. Ну конечно, объясним. Как же иначе, – скривилась Эвис.

– Объясним, объясним. – Несмотря ни на что, голос Сильвии оставался спокоен и ровен. – И не забывай, что куда больше тех самых детей, о которых ты так беспокоишься, мы спасём, если жизнь там сделается хоть чуточку лучше.

Эвис громко засопела, но возражать дальше не стала.

– Ещё четыре мага. И разбей их на двойки, пожалуйста, – вежливо сказала Сильвия. Казалось, её невозможно вывести из себя.

– Рената и Шонре, Абигайль и Вереск, – буркнула Эвис. – Хорошо. Двойки так двойки. Когда?

– Завтра к утру. Соберём всех, я скажу, что надо делать.

* * *

Динтра стоял перед ней, большой, грузный, одышливый. Тяжело опирался на посох, глядел масляным взглядом, шарил по груди, по бёдрам. Причмокивал губами.

Вот только Сильвия знала, что перед ней сейчас совершенно иной человек. Или – даже скорее всего – не человек. Она продолжала звать его «Динтрой», просто привыкнув к этому имени.

Но был он полной противоположностью старому лекарю.

– Джерто. Ну, можно и Джерто. Если ты выполнишь всё то, о чём говоришь. – За спиной Сильвии была ратуша Долины, вокруг лежала площадь с её аккуратными клумбами, фонтаном, статуями эльфийской работы и прочими атрибутами тихой и мирной жизни. – Но после Джерто ты мне понадобишься. Со всеми своими клеветами.

Маги и чародеи Долины так и шныряли, так и шмыгали вокруг. И, хотя Динтра говорил в полный голос, Сильвия не сомневалась, что никто возле них ни за что не услышит ни одного слова. А если и услышит, то не разберёт.

– Где понадобится? – Сильвия собрала волю в кулак, взглянула прямо в жёсткие серые глаза.

– Где понадобится, господин Динтра, – надменно поправил тот. – Повтори.

Сильвия сжала кулак за спиной.

– Где понадобится, господин Динтра? – тем не менее повторила она вслух.

– Я сообщу об этом тебе чуть позже. Собери свою армию. Пусть попробуют вначале что-то полегче. Джерто – неплохой выбор. После того как одержишь там победу, твои пять десятков магов – и ты вместе с ними – отправитесь на настоящее дело.

– А как же Долина?

– В Долине управится твой лакей Джиакомо. Больше того, я тоже могу... приглядеть за порядком, если станешь исполнять требуемое.

– Исполнять требуемое... э... господин Динтра?

– Да, именно исполнять требуемое. Я уже говорил тебе, мне неважно, кто правит здесь, лишь бы делалось нужное дело. Разумеешь, девочка, к чему я клоню?

– Разумею, – медленно кивнула Сильвия. Всё идёт, как я и задумала, возликовала она про себя. Я должна стать полезной. И я буду полезной!

– Я исполню ваши указания, господин Динтра.

– Хорошо, – кивнул тот. – Я тебе не враг до тех пор, пока ты... самовольничаешь, не переходя границ. И пока ты выполняешь мои указания.

– Но... господин Динтра...

– Не переживай, – усмехнулся старый лекарь. – Ты властолюбива, и это хорошо. Если Долина и впрямь наведёт порядок в окрестных мирах... быть может, мы поладим. Но если нет... – Серые глаза сузились, и Сильвии вдруг стало очень страшно. Человек (или не-человек), стоявший перед нею, мог быть куда более жесток, чем вся Радуга, вместе взятая.

Да, Сильвии сделалось страшно, очень страшно, несмотря на весь её опыт, несмотря на всё пережитое. Хотя, казалось бы, чем можно испугать её, прошедшую битву на Утонувшем Крабе?

Однако Динтра смотрел на неё – и по спине бежали мурашки.

Он мог, мог, мог сделать с ней что-то не просто плохое или страшное – а непредставимое.

И даже Хаос в крови Сильвии присмирел. Притих, затаился, опасаясь выдать себя.

– Я всё понимаю, досточтимый и высокопочитаемый господин Динтра, – Сильвия не кланялась, но глаза таки опустила. Только глаза, не голову. – Если я могу быть полезна вам ещё в каком-либо качестве... или роде...

– Можешь, можешь быть полезна, – усмехнулся целитель. – Если всё выполнишь в точности.

– Можете не сомневаться, досточтимый господин Динтра.

– Увидим, – сощурился целитель. – Увидим, Сильвия.

* * *

Следующие несколько дней прошли в сплошных хлопотах. Сформировать ударные десятки. Множество раз на картах и объёмных картинах повторить все действия. Не забыть бесчисленные «а что, если так?..». Сильвия почти не спала, почти не ела, и, надо сказать, почти забыла о Динтре.

Так уже бывало – разум её изо всех сил старался вытеснить память о постыдном поражении, занять себя чем-то иным.

Сильвия собрала Совет, без особого труда заставив его утвердить повышение расценок гоблинам. Зеленокожие требовали голов Хоба и Доба, но Сильвия ограничилась тем, что привязала их обоих к бревну и вручила натерпевшимся от этой парочки сыромятные кнуты. После чего полуживых хобгоблинов самолично вышвырнула из Долины.

Сильвия невольно подумала, что предложение Динтры – «приглядеть за порядком» – будет весьма кстати. На толстяка Джиакомо, хоть он и рассыпается мелким бесом, надежды мало.

Все эти заботы, такие... обыденные, такие простые и понятные, как-то затёрли и скрыли сам тот факт, что она, Сильвия, таки победила. Что она правит теперь Долиной, что она вскрыла подлинную личину Динтры, что она готовится к завоеванию Джерто, мира, что ляжет первым камнем в фундамент её Империи.

Она просто не успевала об этом думать.

И лишь на четвёртый день, в последний вечер перед выступлением, она отправилась к дому мессира Архимага.

К пустому, тёмному, покинутому – во всяком случае, на первый взгляд – дому.

* * *

Высокие стрельчатые окна, железная решётка ограды, тёмно-коричневое дерево двери с коваными петлями. Разросшиеся вьюнки, забравшиеся аж на самую крышу.

Сильвия остановилась.

Один раз она уже стояла так, изо всех сил борясь с соблазном проникнуть в дом мессира Архимага, скажем, через каминную трубу[1 - См. роман «Пепел Асгарда», с. 287.«Дом Архимага Игнациуса стоял пуст и тёмн. Сильвия, в человеческом облике – девушка-подросток с седой прядью волос над лбом, в простой одежде, прощальном подарке Наллики и Храма Океанов в Эвиале – долго стояла перед скромным, отнюдь не кичащимся роскошью особняком.Соблазн был велик. Она сильная и гибкая, взлететь ночью на крышу, пробраться через трубу – Сильвия не сомневалась, что справится, даже безо всякой снасти, и... Но мессир Архимаг не был бы мессиром Архимагом, если бы не оставил для любопытствующих у себя за порогом разнообразных и, можно было быть уверенным, донельзя болезненных сюрпризов».]. В тот раз она – только-только пробравшаяся в Долину девчонка, protege госпожи Ирэн Мескотт, ученица Академии – не дерзнула.

Теперь же совсем другое дело.

Хотя, конечно, Хаос в крови уже подвёл её один раз, не совладав с мечом Динтры, но зато она, Сильвия, кое-чему научилась. Против магических ловушек и капканов в доме мессира Архимага Хаос, глядишь, и сгодится. Она уж постарается.

Сильвия сердито покосилась на древний Рунный Камень, что врос в землю неподалёку от жилища господина Игнациуса Коппера.

Вроде бы это был весьма важный Камень. Вроде бы его установили чуть ли не сами таинственные Предтечи, те самые, легендарные основатели Долины. Но стоял этот Камень сам по себе, его не использовали ни для каких ритуалов, лишь гоблины – пока были покорны и старательны – полировали его до блеска.

Как обычно, увита плющом изгородь. Всё так же возвышается на крыше башенка небольшой обсерватории. Вот только петли калитки больше не скрипят. Всё правильно – она ведь сама велела зеленокожим их смазать...

Двухэтажный аккуратный домик, совсем не похожий на обиталище одного из самых могущественных волшебников Сущего. Здесь всё не то, чем кажется, всё – обман, иллюзия, маскировка.

Манит, притягивает к себе тёмная дверь. Окна прикрыты ставнями.

«Ну, решайся, Сильвия. Ты теперь распорядительница Совета Долины, и, хотя за вторжение в святая святых тебя осудят, оставлять это так, как есть, ты не можешь».

Артефакты, собранные Игнациусом, не могут валяться просто так.

Белая сова мягко распустила крылья, и миг спустя Сильвия уже стояла на крыше.

Теперь предстояло отыскать ловушки с капканами.

Хаос повиновался мгновенно, в дымоход потянулись его незримые нити. Сильвия ожидала встретить тут всё, что угодно, начиная от самых обычных решёток и кончая какими-нибудь зубастыми тварюшками. Ну и, разумеется, испепеляющие, разрывающие, удушающие – и так далее и тому подобное – охранные чары.

Тончайшие щупальца Хаоса натолкнулись на первую преграду, едва погрузившись в дымоход. Это была решётка, решётка из толстенных прутьев явно гномьей ковки, и не из обычного железа. Словно водоросли на затопленном корабле, на решётке гнездились многочисленные заклятия, отпорные и охранные. Одни задержали бы злоумышленников, другие предупредили бы

хозяина.

Заклятия заковыристые, закольцованные, не нуждающиеся в обновлении и проверке.

Сильвия нехорошо усмехнулась и позволила Хаосу чуть больше.

Цепочки тёмных искр устремились в дымоход, чары столкнулись, сгорая и взаимно уничтожая друг друга.

Конечно, такое можно проделывать, только если самого мессира Архимага, как сейчас, нету дома.

Под ногами прокатилась словно лёгкая дрожь. Сильвия ощущала пробежавшие по стенам, стропилам и перекрытиям толчки, точно кто-то будил заспавшегося.

Тем не менее с первой преградой Хаос справился легко, и даже гномья сталь перед ним не устояла.

Сильвия быстро и без особого труда остудила оплавившиеся огрызки прутьев, торчавшие наружу из кирпичной кладки, и заставила Хаос двигаться дальше.

Что-то слишком просто, подумала она. Правда, она не пыталась расчленить или разъять чары Игнациуса, она их просто жгла. Заклинания приходили в действие, и дальше Хаос поглощал всю их убийственную силу.

Не самый изощрённый метод, чего уж там. Не настоящий Взлом, которым стоило бы гордиться.

Но сейчас главным было оказаться внизу.

Щупальца Хаоса достигли устья камина. Там встретился второй барьер, и вновь Сильвия прибегла к тому же приёму – заставила ловушку сработать и скормила Хаосу. Правда, вбирать в себя излишек силы, проистекавший от распада могущественных чар, становилось всё труднее, Сильвия будто горела изнутри, изо рта валил пар, словно лютой зимой.

Но, так или иначе, дорогу она себе открыла.

...Сильвия выбралась из камина, вся перемазанная сажей и едва сдерживаясь, чтобы не расчихаться.

Это была гостиная. Памятное место. Именно сюда они впервые ввалились всей гурьбой – она, Клара Хюммель, Тави, Эвис, Мелвилл, Эгмонт...

И Кицум. Клоун Кицум, оказавшийся впоследствии совершенно не клоуном Кицумом...

Здесь она впервые увидела мессира Архимага. И была совершенно искренне, честно, до глубины души поражена им. Его силой, его мощью, его глубиной. Легендарный Комнинус Страза, основатель Радуги, едва ли сгодился мессире Архимагу даже в младшие ученики.

Она тогда упала на колени. Она и впрямь была готова на всё – отдаться мессире прямо там, сделаться его рабыней, исполнять все его желания...

Превеликие силы, а вот теперь уже она – правитель Долины! И стоит в пустом доме самого Архимага, готовая сбивать замки с его сундуков!

Любит откалывать шутки старуха Судьба.

Сколько же времени прошло с того мига, как оно всё началось? Когда в Красном Арке появилась странная пленница Дану?

Сильвия потрясла головой, отгоняя некстати нахлынувшие воспоминания. Потом, всё это потом! Когда она уберётся отсюда.

Незримые щупальца Хаоса шарили и шарили по мрачного вида шкапам и буфетам чёрного дерева, заползали в щели меж стенных панелей каменного дуба, вскарабкивались под потолок. Тяжёлыми заклятиями ограждены, само собой, двери и окна, но туда Сильвия и так соваться не станет.

Ей нужны артефакты и заметки Архимага. Дневники, результаты опытов, рецепты снадобий и подробные росписи заклинаний. Его кабинет – тут, рядом,

за дверь. Створка распахнута – в своём доме мессир ничего не опасался... или нет, опасался, да ещё как! Проём стерегли сразу две дюжины заклинаний, начиная с призывающего голодных духов и кончая старым-добрым огнешаром в лицо.

Сильвия некоторое время колебалась – был соблазн просто проломить кирпичную кладку, но потом оказалось, что стены вокруг кабинета тоже прикрыты. Подумав, Сильвия всё же решила не рисковать и без лишних сложностей сжечь защитные чары.

...Даже Хаос не смог разом удержать всё, ожившее в пустом дверном проёме. Родившийся последним огнешар распался невесомым пеплом уже почти у самого лица Сильвии...

Сильвия с усилием выдохнула, заходясь в жестоком кашле – лёгкие заполнил едкий серый дым. Хаос не успевал справиться с запасённой Игнациусом силой, он даже заклятия из дымохода ещё не переварил. Ничего похожего не случилось, пока Сильвия отбивалась от Эвис Эмплады и её товарищей.

Пока что всё оставалось относительно просто. Разумеется, только и исключительно потому, что с ней был Хаос. И, вернись мессир Архимаг, он сразу же понял бы, что здесь побывали гости.

Уничтожив очередную преграду, Сильвия выжидала. Мессир Игнациус отличался любовью к утончённым шуткам. Там наверняка есть и сюрпризы отложенного действия, что оживают спустя какое-то время после того, как сработают чары главного заслона.

Но всё оставалось тихо. Поисковые щупальца Хаоса, обежав кабинет Архимага, вернулись назад ни с чем.

Сильвия сощурилась. Разумеется, едва ли мессир Коппер предвидел её появление здесь, и не просто появление, а появление с Хаосом в крови. Но всё равно, как-то слишком уж легко у неё всё это получилось... или нет? В конце концов, она ведь не пытается аккуратно обезвредить сторожевые заклятия. Она просто скармливает их Хаосу. Едва ли какой-то иной взломщик оказался бы способен на такое.

В очередной раз откашлявшись, словно дракон, серым едким дымом, она осторожно прокралась в кабинет. Пусто и тихо, все дверцы аккуратно закрыты, всюду идеальный порядок. Небольшой камин в стене. На столе – массивная шкатулка с вычурными бронзовыми грифонами по углам, на крышке – надпись «Сегодняшнее».

Сильвия поискала глазами – на полках нашлись такие же шкатулки с табличками «Завтрашнее», «Особо срочное», «Важное», «Особо важное», «Особо важное, но не срочное»...

Последнее заставило её поломать голову. Что же это у нас такое – важное, да ещё и «особо», но притом не срочное?

Конечно, обыскивать придётся не только весь кабинет, но и весь дом. Простукивать стены, прощупывать полы, стараясь отыскать потайные двери и секретные ящички – она ж не вчера родилась, чтобы допустить, будто мессир Архимаг держит самые секретные пергаменты хоть где-то под рукой, в кабинете, где до них доберётся любой взломщик!..

Ну, положим, «любой» не доберётся, поправила она себя.

И взялась за работу.

Разумеется, все шкатулки с пергаментными свитками тоже охранялись своими особыми чарами. Чувствуя, как нарастает нетерпение, Сильвия сожгла их все – после этого пришлось упасть на колени подле камина, и Сильвию вырвало огнём. Настоящим грязно-рыжим огнём.

«Никогда б не подумала, что сделаюсь... драконом», – шевельнулась слабая мысль. Голова кружилась, в висках нарастало колотье, сердце бешено билось.

«Искры наверняка поднялись аж над самой крышей, – мелькнуло в слегка помутившихся мыслях. – Заметят – да и ладно...»

Щелкнули задвижки, клацнули зубы – сомкнулись челюсти последнего из сторожевых заклинаний, наложенных Архимагом на ларец. Не приближаясь, Сильвия слабым движением пальцев заставила крышку откинуться.

Свитки, свитки, свитки... Она поспешно проверила – нет, пергамент не защищён уже ничем.

Развернула первый.

«Соображения к составлению учебного плана студентов первого года Академии, по представлению distinguished деканов и проректора...»

Она уронила пергамент. Что за чепуха? Или подлинное содержание защищено отводящими глаза чарами?

Следующий.

«К вопросу отведения участков для строительства домов молодым семейным магам...»

Следующий.

«О выделении Гильдии Алхимиков мифрила неочищенного в размере двенадцати пудов, десяти фунтов и пяти золотников для последующей трансмутации».

Что за чепуха?! Как мессир Архимаг мог держать такое в шкатулке с обозначением «Особо важно»?!

В оставшихся двух десятках свитках также не нашлось ничего интересного. Исключительно хозяйственные дела Долины, причём совершенно заурядные, обыденные. Не для глаз самого мессира.

Зло насупившись, Сильвия вскрыла ларец с надписью «Особо важное, не срочное».

Тут действительно было «не срочное». Проекты расширения Долины, проекты устройства факторий в «магиебогатых мирах» (Сильвия никогда не слышала ни о таких факториях, ни о таких мирах); проекты изменения магических потоков в непосредственной близости от Долины для создания необходимой «плотности силы» для осуществления каких-то особо тонких и изощрённых

экспериментов.

Дочь Хозяина Ливня закусил губу. Ещё два ларца она просто разнесла в мелкую щепу – и железная рама, украшенная острыми клыками, пыталась, словно капкан, ползать за ней, норовя тяпнуть за ногу.

«Астрологические события, наблюдения достойные». «Астрономия, собственные рисунки». «О падении выхода алхимического золота с философских камней».

Чушь, чушь, чепуха!

«Дополнительные материалы к механизму ловушки для богов».

Сильвия замерла. Перечитала.

«... к механизму ловушки для богов».

Это тебе не учебные планы для первокурсников.

«Дополнительные материалы». Значит, где-то должны иметься и «основные». Во всяком случае, это уже что-то.

Она развернула пергамент – со всеми мыслимыми предосторожностями.

«Дополнение 1. Построение 11-го каскада, красный поток, отсекание. Смотри также «Замечания к 18-му каскаду, лиловый поток, втягивание. Отображение инициирующего импульса в связанном пространстве и формирование изолята...»

Сильвия потрясла головой.

Каскад? Поток? Красный? Лиловый? А ещё какие есть? Инициирующий импульс?

А это ещё что за бессмыслица?

«Поскольку в общем виде имеем, что:

следовательно, процесс инкапсуляции можно представить...»

Что за руны? Что за язык? Чего мы имеем «в общем виде»? Что «можем представить»? [2 - Сильвия, само собой, понятия не имеет о том, что такое ряды Фурье. Правда, остаётся открытым вопрос, откуда про них знает мессир Архимаг и как ему удалось приспособить это к делу...] Что это вообще за странные руны?

Сильвия с досадой зашипела.

Тем не менее «Дополнительные материалы» отправились в её сумку.

Остальные шкатулки, ларцы и ящики стола она обыскивала после этого с особым рвением.

Правда, к её разочарованию, никаких артефактов она не обнаружила. А ведь мессир наверняка имел их здесь целые залежи. Перепрятал, прежде чем уходить? Или где-то под домом есть вход в катакомбы? Впрочем, почему б ему и не быть?

Она наткнулась ещё на несколько любопытных свитков – все о разработке каких-то особо изощрённых заклятий и их систем; однако, кроме этих самых «Дополнительных материалов» (понять которые всё равно было невозможно без предположительных «Основных»), ничего о «Ловушке богов» Сильвия не обнаружила.

Тем не менее она не унывала. Дом велик, тут наверняка полно тайников. Она их непременно найдёт, непременно.

Сильвия сумела наконец унять бешено колотившееся сердце. Выдохнула очередной клуб дыма – к счастью, куда бледнее и меньше, чем прежде. Хаос справится с переизбытком силы.

Остановись, дочь Арка. Зря, что ли, тебя дед порол? Зачем тебе Хаос в крови? Зачем даром пропадает им накопленное?

Сильвия медленно опустилась в глубокое кресло мессира. А что, неплохое. Надо будет себе тоже такое завести.

Щупальца Хаоса распространялись во все стороны, истончались, ветвились, множились, подобно незримым паутинкам. Они осторожно, словно лаская, касались стен, дверных косяков, ощупывали каждый проём, каждый порожек, каждую половицу.

Перед Сильвией в лёгкой серой дымке начинал возникать план дома, с его толстыми стенами – крепостным впусу, – с широкой лестницей наверх, в обсерваторию, просторными подвалами... куда ей всенепременно надо будет заглянуть, – а также местами куда более прозаическими, навроде кухни, столовой и ванной с латринами.

Она всматривалась в серые очертания до боли в глазах, до рези, пытаясь понять, где может скрываться тайник – или тайники; и понимала, что, увы, оказаться они могут где угодно.

Нет отдельной подозрительно толстой стены, где может отыскаться скрытая потерна; волосяные усики Хаоса не обнаружили ни подозрительных щелей, ни спрятанных в кирпичной кладке заклятий.

Но что-то в этом старом доме крылось, Сильвия была уверена. Конечно, она могла бы приказать гоблинам попросту разнести всё строение по камешку, что зеленокожие, по уши счастливые обретённой «свободой», выполнили бы без колебаний, но зачем лишний раз ссориться с Долиной, где мессир Архимаг до сих пор – большой авторитет? Нет, она всё найдёт сама.

Полы, потолки, перекрытия. Подвалы. Нет ли там чего?..

Она с усилием потёрла глаза. Повернулась. С досадой кинула взгляд на книжные полки. Ими, конечно, она тоже займётся, но позже, чуть позже.

Хотя... – Она сощурилась. Вот этот фолиант в кожаном переплётё без названия на обложке? У всех есть, а у него – нету.

Книжища была небрежно оставлена на полке, не стоямя, как остальные тома, но брошена плашмя на свободном месте.

Сильвия протянула руку, не забывая проверить наличие защитных чар; и, лишь ничего не обнаружив, осторожно велела книге раскрыться.

Велела, взглянула и обмерла, затаив дыхание.

На первой же странице аккуратнейшим, каллиграфическим почерком мессира Архимага языком Долины было выведено:

«Теоретические основы и практическая реализация совокупности заклинаний для пленения божественных сущностей любой силы».

Сильвия аж рот раскрыла.

Ну да. Мессир Архимаг, похоже, занимался как раз этим. И, покидая свой дом, небрежно кинул книгу своих записей на полку – хотел, наверное, спрятать, да не успел. Или нет, попросту запомятовал, заторопился. Такое бывает. И – оставил на самом видном месте.

Она осторожно перевернула пару страниц.

Подробные записи разноцветными чернилами, но одной и той же рукой – о составлении зубодробительных заклятий, позволяющих заключить в области «искажённого пространства» сущность любой силы. Более того, чем сильнее эти создания будут биться в стенки своей тюрьмы, тем крепче будет она становиться.

Вот это находка. Вот это добыча. И как похоже на мессира Архимага! Уверенного в себе и своих чарах, уверенного до... самоуверенности. Сверхэкстраординарной.

Она-то его и доведёт до беды. Если уже не довела. Сильвия сожгла множество его отпорных чар, теоретически, даже при уничтожении, они должны были

послать весть хозяину. Но она, Сильвия, отчего-то спокойна и бестревожна, и чутьё молчит; она слово бы уверена, что Архимаг Игнациус уже никогда не вернётся.

Толстая инкунабула отправилась в заплечный мешок, к «Дополнительным материалам». Уже одно это оправдывает всё мероприятие, подумала Сильвия. Правда, с артефактами не получилось. Выходит, мессир оказался чуток хитрее, чем ты представляла, подруга. Запрятал он их хорошо, даже слишком. Не в собственном доме. Догадывался, что явятся искать? Но почему тогда бросил эти записи?

А артефакты тогда что – прихватил с собой? Или... полагал, что могут понадобиться, и укрыл их где-то в Межреальности, так, чтобы дотянуться? Быть может, быть может...

...Обыск Сильвия длила до поздней ночи. Нашла ещё несколько рукописных томов, один из них – на человеческой коже с весьма ценными и замысловатыми системами чар. Прихватила по мелочи кое-какие редкие ингредиенты, применяемые до сих в трансмиссивной или апотропической магии (приёмы додревние, придуманы колдунами диких племён, но порой бывают более чем действенны).

Напоследок окинула гостиную и кабинет пристальным взглядом. Что-то всё-таки тут её настораживало. Тщательно вынесенные артефакты и оставленный на виду сборник мощнейших, невероятно сложных заклинаний. Всё-таки это как-то не укладывалось.

Хотя, подумала она, далеко не всегда требуются изощрённые объяснения. Вполне вероятно, что мессир, добросовестно очистив весь склад своих артефактов, был так озабочен тем, чтобы ни одного не забыть, что просто запомнил о книге.

Так или иначе, но эти заклинания она, разумеется, тщательно проверит.

Дом Игнациуса она покинула тем же путём – через трубу. Кругом уже стояла кромешная тьма, и Сильвия позволила себе выпрямиться в полный рост, глубоко вдыхая ароматный ночной воздух. Нет, всё-таки Долина – прекрасное место.

И она, Сильвия Нагваль, – самая подходящая для неё правительница.

* * *

– У меня всё готово, досточтимый господин Динтра.

Старый целитель кивнул, оглаживая собственный живот, весьма внушительный, к слову.

– Что ж, выступай, Нагваль.

Они медленно шли бок о бок по дорожке, проложенной вдоль берега озера. Со стороны – новая распорядительница Совета оказывает честь и уважение старому, заслуженному и уважаемому члену Гильдии Целителей. В отдалении за ними семенил мэтр Джаакомо Семпри, время от времени вонзая в спину Динтре ревнивые взгляды.

– Не волнуйся, – усмехнулся Динтра. – Он нас не услышит.

– Досточтимый господин, – кашлянула Сильвия. – Наш удар будет молниеносен и решителен. Все пять столиц окажутся в наших руках не позднее завтрашнего вечера. Я хотела бы узнать... если возможно... если вы окажете мне честь... если познакомите с вашими планами. Моё самое горячее желание – чтобы меж нами было бы полное согласие. Чем раньше я узнаю необходимое, тем быстрее – и лучше! – ваши намерения воплотятся в жизнь.

– В Красном Арке тебя хорошо учили, как я погляжу, – вновь усмехнулся Динтра, делая шаг и тяжело опираясь на свой длинный чёрный посох.

– Учили? – заглянула ему в глаза Сильвия. В те самые, серо-стальные жестокие глаза старого волка. – Скорее уж – драли! Дед мой, глава Ордена, полагал розги самым лучшим учебным пособием.

Динтра негромко фыркнул.

– Не похоже, чтобы твой дух это б укротило, не так ли, Сильвия?

– Не укротило, досточтимый. Я хочу взлететь... так высоко, как только смогу. Но не собираюсь и сжигать крылья о солнечный пламень.

– Иными словами, ты ищешь союза с сильными. – Динтра не спрашивал, он утверждал.

– Ищу, досточтимый. – Сильвия кинулась очертя голову в омут. – А вы бы не искали на моём месте? Я сильнее всех в Долине, но с вами... я знаю своё место. Розги этому очень хорошо учат. Поверьте.

– Если бы ты «знала своё место», то никогда не полезла б в такие приключения, Сильвия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

См. роман «Пепел Асгарда», с. 287.

«Дом Архимага Игнациуса стоял пуст и тёмн. Сильвия, в человеческом облике – девушка-подросток с седой прядью волос над лбом, в простой одежде, прощальном подарке Наллики и Храма Океанов в Эвиале – долго стояла перед скромным, отнюдь не кичащимся роскошью особняком.

Соблазн был велик. Она сильная и гибкая, взлететь ночью на крышу, пробраться через трубу – Сильвия не сомневалась, что справится, даже безо всякой снасти,

и... Но мессир Архимаг не был бы мессиром Архимагом, если бы не оставил для любопытствующих у себя за порогом разнообразных и, можно было быть уверенным, донельзя болезненных сюрпризов».

2

Сильвия, само собой, понятия не имеет о том, что такое ряды Фурье. Правда, остаётся открытым вопрос, откуда про них знает мессир Архимаг и как ему удалось приспособить это к делу...

Купить: <https://telnovel.me/nik-perumov/hedin-vrag-moy-tom-2-tot-protiv-nas>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)